

КОНДРАТЪЕВ

История моей жизни

SERGIUS
MUSIC

Black Star

Star Avenue

Гросу

BION

Израиль

Телетрейд

Game Fox

NL

Корея Центр

Prizm

Таргетолог

Таксист

Риелтор

Разработка
сайтов

Код Класс

Артери

Владивосток • 2026

Сергей Кондратьев

Кондратьев. Моя история

<https://litres.ru/74240068>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делает человека тем, кем он становится? Удача или характер? Правильные решения или ошибки? Судьба или бесконечные попытки начать всё сначала?

Это честная история человека, который всю жизнь искал своё место. История взлётов и болезненных падений, переездов через всю страну, десятков профессий, несбывшихся планов, новых возможностей и мечты, от которой он так и не смог отказаться.

Эта книга — не про успех. Она про путь. Про страх неизвестности, любовь, семью, поиск себя и веру в то, что однажды всё обязательно получится.

Возможно, в этой истории вы узнаете не только автора, но и самого себя.

Содержание

Предисловие	4
Потеряться на третьем этаже	12
Последняя парта	16
День, когда я впервые напился	19
Мой отец	25
Новый год, который я помню всю жизнь	28
Копилка	34
Первые победы над собой	45
Обещание самому себе	49
Дядя Вова	52
Мама	57
Юность начинается	61
Музыка вместо будущего	65
Время, когда всё происходит впервые	70
Глава	78
Первые треки	88
Баттлы	94
Первые деньги	96
Москва	99
Чемодан в одну сторону	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Сергей Кондратьев

Кондратьев. Моя история

Предисловие

У каждого человека есть история.

Не та, которую можно увидеть в паспорте или краткой биографии. Не перечень дат, мест работы и важных событий. Настоящая история всегда состоит из множества маленьких моментов, которые на первый взгляд кажутся совершенно незначительными. Из случайных встреч, ошибок, первых побед, тяжёлых поражений, несбывшихся надежд, принятых решений и людей, которые однажды появились в нашей жизни и навсегда её изменили.

Долгое время мне казалось, что моя жизнь слишком обычная, чтобы однажды стать книгой. Но чем старше я становился, тем чаще ловил себя на мысли, что память постепенно стирает детали. Исчезают лица. Забываются разговоры. Теряются ощущения, которые когда-то казались настолько яркими, что должны были остаться со мной навсегда. И тогда я начал записывать.

Сначала отдельные истории. Потом воспоминания. Затем события, которые, как оказалось, невозможно понять по отдельности. Они складывались в одну большую картину —

историю длиною в жизнь.

Эта книга не является попыткой показать себя лучше, чем я был на самом деле. Здесь не будет героя, который всегда принимал правильные решения и никогда не ошибался. На этих страницах я постарался быть настолько честным, насколько это вообще возможно спустя годы. Я не претендую на абсолютную точность. Память человека устроена удивительно. Она не хранит жизнь день за днём. Она оставляет лишь отдельные кадры. Иногда это запах утреннего моря. Иногда старый двор. Иногда любимая песня. Иногда разговор, который длился всего несколько минут, но изменил дальнейшую жизнь. Именно из таких воспоминаний и родилась эта книга.

Меня зовут Сергей Кондратьев.

Я родился 24 января 1991 года во Владивостоке. Именно здесь начался мой путь — путь, который привёл меня через радость и разочарование, любовь и потери, мечты и неудачи, поиски себя и постоянное желание начать всё сначала. Возможно, в каких-то моментах вы узнаете себя. Возможно, эта книга заставит вас вспомнить собственное детство, людей, которых уже нет рядом, или мечты, от которых вы когда-то отказались. А если после последней страницы вам захочется хотя бы на несколько минут остановиться и оглянуться на собственную жизнь, значит, всё это было написано не зря.

Добро пожаловать в мою историю.

Первые воспоминания

Если попросить человека вспомнить своё самое раннее детство, он, скорее всего, не сможет рассказать его по дням или даже по годам. Память устроена иначе. Она бережно сохраняет лишь отдельные картины — иногда совсем короткие, но удивительно яркие. Запах свежего хлеба. Старую игрушку. Любимую улицу. Или один единственный вечер, который почему-то пережил десятилетия.

Так и у меня.

Мои первые воспоминания начинаются примерно с четырёх-пяти лет. До этого времени моя жизнь, конечно, существовала, но сегодня она складывается для меня уже скорее из фотографий и рассказов близких. А вот начиная с этого возраста появляются кадры, которые, как мне кажется, принадлежат именно моей памяти.

В то время мы жили во Владивостоке, в доме № 1 на улице Башидзе. Именно здесь прошли мои первые детские годы. Здесь я сделал свои первые шаги уже как человек, который начинает осознавать окружающий мир, запоминать события и складывать их в собственную историю.

Владивосток середины девяностых был особенным городом. Пока большая часть страны только привыкала к новой жизни после распада Советского Союза, Владивосток уже существовал по своим законам. Город жил морем. Через порт сюда ежедневно приходили суда из Японии, Южной Кореи и Китая. На улицах всё чаще появлялись праворульные автомобили, а рынки постепенно превращались в настоящие вит-

рины Азии. Здесь можно было встретить японские велосипеды, магнитофоны, телевизоры, игровые приставки, одежду, инструменты и сотни других вещей, которые для большинства российских городов тогда оставались почти недоступной роскошью.

Во Владивостоке это было обычной жизнью.

Дворы были наполнены детьми. Компьютеров почти ни у кого ещё не было, мобильные телефоны существовали только в кино, а лучшим развлечением становилось выйти на улицу утром и вернуться домой только тогда, когда родители позовут ужинать. Мы знали каждый подъезд, каждую лестницу, каждый двор, каждую сопку вокруг дома. Нашим интернетом были друзья, а главным способом общения — звонок в дверь или домашний телефон. Именно в таком мире прошло моё детство. Самое первое воспоминание — совсем простое. Я сижу на маленьком трёхколёсном велосипеде и куда-то еду по квартире. На мне яркие колготки — кажется, оранжевые или розовые. Сейчас уже невозможно понять, действительно ли этот момент сохранился в памяти или позже переплёлся с семейной фотографией. Но каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь в те годы, перед глазами появляется именно этот кадр. Следующая картина вызывает у меня улыбку. Я стою возле стены, а обои вокруг исписаны ручкой, фломастером и, кажется, даже маркером. Тогда это выглядело не как шалость, а как настоящее творчество. Для маленького ребёнка белая стена ничем не отличается от боль-

шого листа бумаги. Только спустя годы понимаешь, сколько терпения нужно родителям, чтобы спокойно смотреть на подобные художественные эксперименты. И хотя позже я видел фотографии этих разрисованных стен, мне до сих пор кажется, что я помню сам процесс, а не снимок. Первым по-настоящему самостоятельным воспоминанием, в котором я уверен абсолютно, стал вечер перед моим пятым днём рождения. Мне было четыре года. До праздника оставалась всего одна ночь. Я уже лежал в кровати, когда мама сказала:

— Засыпай. Завтра утром мы подарим тебе подарок.

Наверное, каждый ребёнок знает это чувство. Уснуть невозможно, потому что впереди ждёт что-то очень важное. Кажется, будто ночь специально становится длиннее обычного. А утром посреди комнаты меня уже ждало большое пластиковое ведро, наполненное деталями конструктора. Именно о нём я мечтал. Я хорошо помню, как сидел прямо на полу, перебирал разноцветные детали, рассматривал каждую из них и был совершенно счастлив. Интересно, что именно этот момент не сохранился ни на одной фотографии. Поэтому я всегда считал его одним из первых воспоминаний, которые принадлежат только моей памяти. Если сегодня меня спросить, каким было моё детство, я вряд ли начну рассказывать про игрушки. Скорее всего, я сначала вспомню запах. Запах свежего домашнего хлеба. Мама очень часто пекла его в хлебопечке. А ещё она делала удивительно вкусные булочки, которые мы ели с липовым мёдом. Про-

шло уже больше тридцати лет, но именно липовый мёд до сих пор остаётся для меня вкусом детства. Не потому, что он чем-то отличается от других сортов, а потому что с ним навсегда связано ощущение дома, в который хотелось возвращаться после каждой прогулки. И, наверное, именно поэтому так сильно запомнились совсем другие вечера. Иногда домой приходили друзья отца. Становилось шумно. Застолья затягивались, разговоры становились всё громче. Тогда я ещё не понимал, что именно чувствую. Но сегодня, спустя годы, понимаю: ребёнку гораздо ближе было тихое счастье дома, запах свежей выпечки, мамин голос и спокойные семейные вечера, чем шум взрослых компаний. Возможно, именно тогда я впервые, ещё не умея объяснить этого словами, понял, что настоящий уют создаётся вовсе не количеством людей за столом. Он рождается из чувства безопасности, любви и простого желания возвращаться домой снова и снова.

Самый маленький на ковре

Шли годы. Мне исполнилось шесть лет, и родители решили отдать меня в спорт.

Недалеко от нашего дома находился Дворец пионеров — место, через которое прошло не одно поколение владивостокских детей. После распада Советского Союза многое вокруг менялось, но такие учреждения продолжали жить своей жизнью. Здесь работали кружки, секции, спортивные залы. Кто-то приходил учиться рисованию, кто-то занимался

музыкой, а меня привели на самбо.

Насколько я помню, в секцию обычно брали детей постарше — лет с девяти. Почему сделали исключение для меня, я уже не знаю. Возможно, тренер увидел во мне что-то перспективное, а может, просто решил попробовать. Так или иначе, я оказался самым маленьким среди всех ребят.

До сих пор помню своего первого тренера. Кажется, его звали Виталий Михайлович. Память сохранила не столько его лицо, сколько длинную пластиковую палку ярко-оранжевого цвета. Именно ей он иногда наказывал провинившихся воспитанников, ударяя по ягодицам. По сегодняшним меркам подобные методы воспитания вызвали бы немало вопросов. Но в девяностые годы подобное отношение к дисциплине воспринималось многими совершенно иначе. Спортивные секции тогда были жёстче, требования — строже, а наказания зачастую считались частью воспитательного процесса.

При этом с физической подготовкой у меня никогда не возникало особых проблем. Кувырки, растяжка, различные упражнения — всё это получалось довольно легко. Настоящая сложность была совсем в другом. Я был слишком маленьким.

Во время спаррингов рядом со мной оказывались ребята значительно выше, тяжелее и сильнее. Они превосходили меня буквально во всём — в росте, весе и физической силе. Как бы я ни старался, бросить их у меня просто не получалось. Не потому, что не хотел или ленился. Просто законы

физики были сильнее моего желания победить.

Наверное, около года я всё-таки отходил на тренировки. А потом однажды пришёл к отцу и честно сказал:

— Пап, можно я больше не буду ходить на самбо?

Он спросил почему.

Я объяснил всё очень просто:

— Я никого не могу бросить.

Отец не стал заставлять меня продолжать. Не читал длинных нравоучений, не говорил, что нужно терпеть. Он просто ответил:

— Хорошо.

Спустя годы отец рассказал мне историю, которую сам я совершенно не помню.

Однажды он пришёл забирать меня после тренировки. Тренер остановил его и спросил:

— Вы сильно торопитесь?

Отец удивился:

— А что случилось?

— Серёжа наказан.

За что именно — я уже не помню. Не помню даже самого наказания. Но этот эпизод почему-то остался в памяти отца, а через много лет стал частью уже моей собственной истории.

Потеряться на третьем этаже

После самбо в моей жизни появилось ещё одно новое испытание — школа. Вернее, пока ещё не сама школа, а подготовительные занятия. Они проходили в том же Дворце пионеров, куда совсем недавно я ходил на тренировки. Родители хотели, чтобы к первому классу я был полностью готов. Хотя, если честно, читать и писать я уже умел. Этим со мной занимались мама и бабушка, поэтому особых трудностей с учёбой тогда не возникало.

Сами занятия я почти не помню. Память сохранила лишь один день.

Но именно его я вспоминал потом всю жизнь.

В Дворце пионеров было несколько кабинетов, и между уроками мы переходили из одного класса в другой. Для взрослых это обычная ситуация. Для шестилетнего ребёнка огромное здание с длинными коридорами и лестницами легко превращается в настоящий лабиринт.

В какой-то момент наша группа пошла на урок английского языка.

Именно тогда я потерялся.

До сих пор помню третий этаж, длинный коридор и ощущение абсолютной растерянности. Вокруг ходили люди, открывались и закрывались двери кабинетов, а я вдруг понял, что остался один. Не знал, куда идти, где искать свою группу

и где находится мама.

Я расплакался.

Как мама нашла меня среди всего этого большого здания, я до сих пор не понимаю. Возможно, услышала плач. Возможно, просто почувствовала, где искать. Она быстро подошла ко мне, присела рядом и спокойно спросила:

— Сынок, что случилось?

Сквозь слёзы я смог выговорить только одну фразу:

— Я потерялся...

Она взяла меня за руку и отвела в нужный кабинет. Там уже начинался урок английского языка. На экране показывали мультфильм про Котёнка Гава, только уже на английском языке. Для остальных детей это был самый обычный урок. Для меня же он навсегда остался связан с тем чувством страха, которое я испытал несколькими минутами раньше.

Не знаю, можно ли назвать это детской психологической травмой. Возможно, это всего лишь совпадение. Но иногда я ловлю себя на мысли, что именно тогда между мной и английским языком словно возникла невидимая стена.

Когда в пятом классе английский появился в школьной программе, он сразу стал для меня самым нелюбимым предметом. Я честно пытался учить слова, выполнять задания, но никакого интереса не испытывал. Более того, отношения с учителем тоже не сложились. Мы словно с самого начала не приняли друг друга.

Эта история продолжилась и в университете.

Первое время я ещё ходил на занятия, но понимал всё меньше и меньше. В какой-то момент перестал посещать их вовсе. Несколько семестров английского языка оказались пропущены, и казалось, что закрыть этот долг уже невозможно.

Но однажды у нас появилась новая преподавательница — молодая, спокойная и, как мне тогда показалось, очень человечная.

Она внимательно посмотрела мою зачётную книжку и сказала:

— Я вижу, что у тебя накопилось много долгов. Давай сделаем так. Выучи сто английских слов, сдашь их мне — и я поставлю все зачёты.

Для меня это прозвучало как спасение.

Правда, выполнил её задание я весьма своеобразным способом.

Тогда ещё не существовало беспроводных наушников. Я надел обычную телефонную гарнитуру, позвонил другу и попросил его встать за дверью аудитории. Во время зачёта преподавательница называла слово по-русски, а мой товарищ тихо подсказывал перевод через наушник. Так, благодаря небольшой студенческой хитрости, я благополучно закрыл сразу несколько семестров английского языка.

Сегодня я вспоминаю эту историю с улыбкой. Конечно, правильно было бы действительно выучить язык. Но тогда мне казалось, что я победил систему. Хотя, если быть чест-

ным, победил я лишь собственный страх перед предметом, который почему-то с самого детства так и не смог полюбить.

Последняя парта

Подготовительные занятия во Дворце пионеров закончились. Страх заблудиться на третьем этаже остался где-то позади, а впереди меня ждало событие, которое проходит практически каждый человек, — первый школьный звонок.

В 1998 году мне исполнилось семь лет, и я пошёл в первый класс. Как и для тысяч других детей по всей стране, это был день, после которого жизнь начала постепенно меняться. Детство никуда не исчезло, но теперь рядом с двором, игрушками и прогулками появилась школа — место, где предстояло провести следующие одиннадцать лет.

Свою первую школьную линейку я помню довольно хорошо.

На мне был праздничный костюм, а в руках — большой букет красных роз. Совсем недавно, когда мы разбирали семейные фотографии для этой книги, я снова увидел тот снимок. Маленький мальчик с серьёзным лицом стоит среди таких же первоклассников и ещё даже не представляет, сколько событий впереди его ждёт.

Тогда существовала красивая традиция. После торжественной линейки одиннадцатиклассники брали первоклассников за руку и провожали их в класс. Для нас они казались настоящими взрослыми людьми — почти как учителя. Высокие, уверенные в себе, они уже заканчивали школу,

в которую мы только входили.

Мне досталась девочка-выпускница. Помню, что она была немного пухленькой и очень медленно шла. Из-за этого мы пришли в кабинет почти последними. Она подвела меня к свободному месту и посадила за последнюю парту.

Тогда я ещё не знал, что эта парта станет практически моим постоянным местом на несколько ближайших лет.

Честно говоря, меня это вполне устраивало.

Последняя парта казалась настоящей территорией свободы. Оттуда можно было незаметно переговариваться с соседом, наблюдать за всем классом и чувствовать себя немного менее заметным для учителя. Наверное, именно поэтому я просидел там до пятого или шестого класса. А потом терпение учителей закончилось. Из-за моего поведения меня пересадили ближе к доске — на вторую парту, чтобы я постоянно находился у них перед глазами.

Но, если честно, школьная жизнь для меня никогда не заканчивалась последним уроком.

Стоило прозвенеть звонку, как всё самое интересное только начиналось.

Мы по-прежнему жили на Башидзе. После школы я выбегал во двор, где постепенно появились мои первые настоящие друзья. Один из них — Вася — жил со мной на одной лестничной площадке, на девятом этаже. Он был старше меня примерно на два года, хотя внешне казался даже меньше. В соседнем подъезде жили ребята лет по тринадцать — для

меня они были уже настоящими взрослыми пацанами.

Так получилось, что почти всё моё детство прошло среди ребят старше меня. Наверное, потому что и сам я всегда выглядел старше своих лет — был выше и крупнее многих сверстников. Мне хотелось быть похожим на старших, говорить, как они, проводить время, как они. В детстве это кажется совершенно естественным.

Но вместе с друзьями перед глазами всегда был ещё один человек, которому я тоже хотел подражать.

Мой отец.

Тогда я ещё не понимал, что дети копируют взрослых гораздо сильнее, чем кажется самим взрослым. Они перенимают не только хорошие привычки, но и плохие. И однажды желание быть похожим на отца привело меня к одной из самых необычных историй моего детства.

Мне было всего восемь лет...

День, когда я впервые напился

Шли годы. Я уже учился во втором классе. После уроков меня почти невозможно было застать дома. Всё свободное время проходило во дворе, среди друзей, которые были старше меня на несколько лет. Именно там казалось, что начинается настоящая взрослая жизнь. Мы смотрели на старших ребят, старались разговаривать, как они, ходить, как они, вести себя, как они.

Но главным примером взрослого мужчины для меня всё равно оставался отец.

Я видел его редко. Он постоянно куда-то уходил, часто не ночевал дома, но когда был рядом, я внимательно наблюдал за ним. Для ребёнка отец — это человек, которого хочется повторить. Ты ещё не умеешь отделять хорошее от плохого. Если папа что-то делает, значит, наверное, так и должно быть.

Именно поэтому однажды я решил стать взрослым.

Мне было восемь лет. Я учился во втором классе и ходил во вторую смену. В то утро отец рано ушёл из дома. Перед уходом он оставил мне тысячу рублей. По тем временам это были очень большие деньги для ребёнка.

Как только за ним закрылась дверь, я подошёл к нашему домашнему телефону. До сих пор помню его — красный, кнопочный. Один за другим начал набирать номера друзей.

— Пацаны, бабки есть. Приходите. Надо купить водки, коньяка, пива. Будем гулять.

До школы оставалось ещё несколько часов. Времени, как мне тогда казалось, было предостаточно.

Минут через двадцать начали собираться ребята.

Я отдал им деньги, и они пошли в магазин. Сейчас трудно представить, но в конце девяностых дети довольно легко могли купить алкоголь. Мы писали записки якобы от родителей, и продавцы обычно не задавали лишних вопросов.

Через некоторое время друзья вернулись.

На столе появились бутылка водки, бутылка коньяка, пиво. Рядом поставили огурцы, помидоры и какую-то нехитрую закуску. Для нас это выглядело почти как настоящее взрослое застолье. Мы чувствовали себя невероятно серьёзными и самостоятельными. Ребята осторожно налили водку по рюмкам. Кто-то сделал совсем маленький глоток. Кто-то только пригубил. Я посмотрел на них и вдруг вспомнил, как пил отец. Мне казалось, что настоящие мужчины так не делают.

— Вы чего, пацаны? Смотрите, как надо.

Я залпом выпил первую рюмку. Потом вторую. Потом в ход пошёл коньяк. Потом пиво.

Я старательно повторял всё, что когда-то видел дома, даже не понимая, что организм восьмилетнего ребёнка просто не способен выдержать такое количество алкоголя. Для меня это была не попытка напиться. Это была попытка стать похо-

жим на отца. Очень быстро мир начал плыть перед глазами. Ребята ещё разговаривали, смеялись, куда-то собирались идти, общались с какими-то девчонками. А я уже лежал и понимал, что мне становится всё хуже и хуже. Голова раскалывалась. К горлу подступала тошнота. В какой-то момент мне показалось, что я просто умираю. Но впереди была школа. Я с трудом поднялся, кое-как оделся и пошёл на занятия. До сих пор не понимаю, как вообще смог туда дойти. Я вошёл в класс, сел за последнюю парту и попытался сделать вид, что всё нормально. Передо мной стояла специальная металлическая подставка для книг, которыми тогда пользовались почти в каждом классе. Прошло всего несколько минут. Меня резко затошнило. Я даже не успел ничего сделать. Меня вырвало прямо на эту подставку. В классе поднялся шум. Я вскочил и побежал в туалет. Там меня продолжало рвать ещё долго. Когда стало немного легче, я вернулся к учительнице.

— Ирина Михайловна... Кажется, я отравился... Мне очень плохо... Можно я пойду домой?

Она посмотрела на меня и сразу отпустила. Дома я позвонил маме.

Сказал только одну фразу:

— Мам, я дома. Я, кажется, отравился.

Она пришла с работы и увидела квартиру. На столе стояли пустые бутылки из-под пива, водки и коньяка. Всё вокруг было залито пивом. Любой человек решил бы, что здесь гуляла шумная компания. Но мама даже не подумала на меня.

Она была уверена, что домой заходил отец. Он часто пропадал на несколько дней, потом неожиданно появлялся, снова уходил. Такая картина казалась ей совершенно привычной. Я, конечно, промолчал. И не стал её переубеждать.

Разговор, которого хватило на восемь лет

Следующие три дня отец так и не появился дома. За это время история с моим внезапным «отравлением» постепенно начала забываться. Мама, увидев разбросанные по квартире бутылки из-под водки, коньяка и пива, была уверена, что домой заходил отец. В её представлении всё выглядело вполне логично: он часто пропадал на несколько дней, потом неожиданно возвращался, снова уходил, и подобные вещи уже давно перестали быть чем-то необычным. Я ничего не объяснял и не пытался оправдываться. Наверное, впервые в жизни мне удалось скрыть от неё свой поступок, хотя в глубине души я понимал, что эта тайна вряд ли проживёт долго.

Через три дня отец всё-таки вернулся. Мама почти сразу спросила его, не заходил ли он домой несколько дней назад. Он удивился вопросу и спокойно ответил, что всё это время его здесь не было. После этих слов всё стало понятно. Мама резко переключилась на меня, но именно в этот момент отец неожиданно остановил её. Вместо того чтобы позволить ей устроить разнос, он сказал всего несколько слов: «Погоди, не кричи. Завтра я сам с ним поговорю». Сейчас, вспоминая своё детство, я понимаю, что отец вообще редко меня ругал.

Скорее не потому, что был слишком мягким, а потому, что его просто очень часто не было рядом. Моим воспитанием в основном занимались мама, бабушка, дедушка, но когда разговор всё-таки происходил с отцом, он почти никогда не переходил на крик.

На следующий день он действительно позвал меня. Не помню, где именно состоялся этот разговор — на кухне, в комнате или в прихожей, — но сами его слова я запомнил так, будто услышал их вчера. Не было длинных нравоучений, рассказов о вреде алкоголя или обещаний наказать меня. Он просто посмотрел мне в глаза и спросил: «Серёж, пил?» Я понимал, что смысла врать уже нет, поэтому честно ответил: «Пил». Тогда он задал второй вопрос: «Понравилось?» После всего, что произошло, другого ответа у меня просто не существовало. «Нет», — сказал я. Он немного помолчал, а потом спросил в последний раз: «Будешь ещё пить?» Я сразу ответил: «Нет». На этом разговор закончился. Никаких криков. Никаких наказаний. Всего три вопроса, которые заняли меньше минуты.

Удивительно, но именно этого оказалось достаточно. После той истории я действительно больше не пил вплоть до десятого класса. Для моего окружения это было скорее исключением. Многие ребята начинали курить и пробовать алкоголь уже в пятом-шестом классе, кто-то даже раньше. Мне же не хотелось возвращаться к тому состоянию ни физически, ни морально. В памяти слишком ярко остались голово-

кружение, страх, рвота в школе и чувство беспомощности, которое я испытал в тот день. Наверное, организм сам поставил над алкоголем жирный запрет, и никакого интереса к нему у меня больше не возникало.

Лишь спустя много лет я понял одну интересную вещь. За всю жизнь отец показал мне немало примеров, которым мне совсем не хотелось следовать. Но именно в этой ситуации он неожиданно поступил мудро. Он не стал запугивать меня, не унижал, не бил и не пытался воспитывать силой. Возможно, он прекрасно понимал, что всё самое важное уже произошло без его участия. Мне хватило одного-единственного дня, чтобы самостоятельно почувствовать последствия собственного поступка. Его короткий разговор лишь поставил точку в этой истории. И, как ни странно, эта точка оказалась намного сильнее любого наказания.

Впрочем, отношения с отцом состояли не только из подобных разговоров. Были истории, которые до сих пор вызывают у меня улыбку, были моменты, наполненные настоящим теплом, а были и такие, которые заставляли взростеть раньше времени. Один из них произошёл вскоре после этого и был связан с моей детской копилкой, в которую я складывал деньги, мечтая однажды купить что-нибудь по-настоящему важное для себя.

Мой отец

Наверное, если бы меня попросили описать своего отца одним словом, я бы не смог этого сделать. За свою жизнь я много раз слышал, как люди делят окружающих на хороших и плохих, добрых и злых, достойных и недостойных. Мне кажется, с моим отцом такой подход никогда не работал. Он был намного сложнее любого ярлыка, который можно было бы на него повесить.

Когда я вспоминаю своё детство, мне почему-то в первую очередь приходят в голову не бутылки на столе и не бесконечные исчезновения на несколько дней. Сначала память показывает совсем другие картины. Я вижу, как отец учит меня кататься на роликах возле дома, придерживая сзади, чтобы я не упал. Вижу, как он покупает мне первый скоростной велосипед, хотя за те же деньги можно было взять мопед, о котором мечтал почти каждый мальчишка моего возраста. Помню, как мы вместе смеялись, разговаривали, как он искренне радовался моим маленьким победам. Именно такие моменты почему-то остаются в памяти дольше всего.

Наверное, поэтому мне всегда было трудно злиться на него. Да, в нашей семье было много боли. Да, алкоголь постепенно разрушал отношения между родителями. Да, мама пережила рядом с ним очень тяжёлые годы. Но при этом лично ко мне отец всегда относился по-доброму. Я не помню, что-

бы он когда-нибудь бил меня. Не помню, чтобы унижал или срывался на мне. Даже после истории, когда во втором классе я напился вместе с друзьями, он не стал кричать, не стал наказывать меня. Он просто спокойно поговорил со мной. Если честно, воспитывал он меня не так уж много, потому что его часто просто не было дома. Но те разговоры, которые всё-таки происходили между нами, я помню до сих пор.

Наверное, именно поэтому внутри меня долгие годы жили два совершенно разных чувства. С одной стороны, я очень любил своего отца. Любил таким, каким он был, когда был трезвым: добрым, внимательным, заботливым человеком, рядом с которым было спокойно. С другой стороны, я с самого детства видел, как алкоголь постепенно отнимает его у нашей семьи. Это происходило не за один день и даже не за один год. Просто со временем я начал замечать, что после выпивки он словно становился другим человеком. Не хуже и не лучше — просто другим. Исчезали та лёгкость и доброта, которые я так любил в нём. Именно это было самым страшным. Не сам алкоголь, а то, как он менял человека, которого я считал своим героем.

С возрастом я всё чаще думал о том, насколько сильно родители влияют на своих детей. Чаще всего это происходит незаметно. Дети повторяют слова взрослых, их привычки, манеру разговаривать, даже походку. Я тоже хотел быть похожим на отца. Именно поэтому однажды решил, что должен пить водку так же, как пил он. Тогда мне казалось, что

именно так и выглядит взрослая жизнь. Лишь спустя годы я понял, что вместе с хорошими примерами родители иногда оставляют своим детям и очень важные предупреждения. Отец сам того не желая показал мне, какой жизни я не хочу для себя и своей будущей семьи. Наверное, именно поэтому сегодня я совсем не употребляю алкоголь. Не только потому, что плохо его переношу, но и потому, что слишком хорошо помню своё детство.

Но если меня спросят, люблю ли я своего отца, мой ответ не изменится. Да. Любил тогда. Люблю и сейчас. Потому что, несмотря на все ошибки, которые он совершал, я никогда не сомневался в одном: он любил меня тоже. И, наверное, именно поэтому мне всегда хочется рассказывать о нём честно. Не делать из него ни героя, ни злодея. Просто человека. Очень хорошего человека, которому, к сожалению, так и не удалось победить свою самую тяжёлую зависимость.

Новый год, который я помню всю жизнь

Если спросить меня сегодня, какой Новый год из детства я помню лучше всего, я без раздумий назову именно этот. Прошло больше тридцати лет, многое давно стёрлось из памяти, но тот вечер я до сих пор вижу почти по кадрам.

Мы тогда ещё жили на Башидзе. Новый год всегда встречали большой семьёй. Собирались мои родители, бабушки, дедушки. Дом был наполнен голосами, запахом мандаринов, салатов и той особенной предновогодней суетой, которая бывает только тогда, когда взрослые с самого утра что-то режут, варят, накрывают на стол и всё время говорят, что праздник вот-вот начнётся. Для ребёнка это было настоящее волшебство. Казалось, что весь мир в этот день становится каким-то добрее и теплее.

Я, как и любой ребёнок того времени, больше всего ждал Деда Мороза. Не подарков, а именно его самого. Мне очень хотелось увидеть человека, который каждый год каким-то невероятным образом успевает облететь весь мир. Наверное, взрослые долго готовили этот спектакль, но тогда я об этом, конечно, не догадывался.

В какой-то момент кто-то громко постучал во входную дверь.

— Серёжа, быстрее! Кажется, Дед Мороз пришёл!

Я сорвался с места и побежал в прихожую. Распахнул дверь, но на лестничной площадке никого не было. Я даже немного растерялся. И вдруг раздался сильный стук по окну на лоджии.

— Смотри! Он, наверное, туда прилетел!

Я бросился на балкон. Там уже стоял большой мешок с подарками. В ту секунду я совершенно не думал о том, как он там оказался. Для меня существовало только одно объяснение — Дед Мороз действительно приходил. А потом бабушка показала рукой в небо и сказала:

— Вон, смотри! Полетел!

Я поднял голову и увидел яркую светящуюся точку. Сейчас я понимаю, что это, скорее всего, была звезда или спутник. Но тогда я был абсолютно уверен, что вижу самого Деда Мороза, который уже летит поздравлять других детей. И, наверное, именно поэтому вера в чудо казалась такой настоящей. Никто не пытался меня обмануть. Вся семья просто очень хотела подарить одному маленькому мальчику ощущение сказки, и у них это получилось.

Когда мы открыли мешок, подарков оказалось много. Я уже не помню, что именно там лежало, но один из них перевернул весь тот вечер. Это была Sega Mega Drive II. Необычная, в каком-то нестандартном корпусе. Потом, спустя годы, я больше нигде не видел такой модели. Вместе с приставкой были и картриджи. Кажется, среди них точно была «Книга

джунглей», ещё какие-то игры, названия которых давно стёрлись из памяти. Но это уже было неважно. Главное, что мечта, о которой я даже боялся говорить вслух, вдруг оказалась передо мной. Мы сразу подключили приставку к телевизору. Для сегодняшних детей это покажется чем-то обыденным, но в конце девяностых собственная игровая приставка была настоящим сокровищем. Я сидел перед экраном и не мог поверить, что всё это происходит со мной. До сих пор не знаю, что запомнилось мне сильнее: сама Sega или ощущение того вечера, когда я был абсолютно счастлив.

Иногда люди спрашивают, почему, вспоминая отца, я не могу говорить о нём только плохое. Наверное, потому что память устроена иначе. Она хранит не только боль, но и моменты, ради которых потом всю жизнь продолжаешь любить человека. Тот Новый год — один из них. И сколько бы времени ни прошло, я всё равно буду помнить тот стук в дверь, светящуюся точку в зимнем небе и маленького мальчика, который был абсолютно уверен, что только что своими глазами увидел улетающего Деда Мороза.

Когда отец бежал следом

Детская память устроена очень странно. Иногда она стирает целые годы, лица людей, события, разговоры, но оставляет один-единственный эпизод настолько ярким, будто он произошёл вчера. Наверное, если бы меня попросили назвать самое счастливое воспоминание из моего детства, я бы

не стал долго думать. Перед глазами сразу появляется одна и та же картина: небольшой спуск возле нашего дома, ролики на ногах, тёплый день и отец, который бежит за мной, придерживая меня за плечи. Кататься я тогда, конечно, не умел. Постоянно терял равновесие, ноги разъезжались в разные стороны, и казалось, что ещё секунда — и обязательно упаду. Но отец был рядом. Он крепко держал меня сзади, не позволяя свалиться, и спокойно говорил, чтобы я не боялся. Потом на мгновение отпускал руки, а я, сам того не понимая, уже ехал вперёд самостоятельно. Наверное, именно так и учатся почти все дети: сначала кто-то незаметно держит тебя, а потом ты вдруг обнаруживаешь, что можешь ехать сам.

Мне тогда казалось, что отец умеет всё. Он был сильным, уверенным, ничего не боялся. Пока он находился рядом, я тоже ничего не боялся. Наверное, именно это чувство безопасности и осталось в памяти сильнее всего. Не сами ролики, не скорость и не горка, а ощущение, что если вдруг что-то случится, он обязательно успеет поймать меня раньше, чем я ударюсь об асфальт. Для маленького ребёнка нет чувства важнее этого.

Уже взрослым я много раз пытался понять, почему именно этот момент так глубоко врезался в память. Ведь были поездки, подарки, прогулки, праздники. Но почему-то именно тот короткий эпизод возвращается снова и снова. Наверное, потому, что в нём очень точно уместилось всё моё отношение к отцу. Когда он был рядом и был самым собой, ря-

дом с ним действительно было спокойно. Он умел заботиться, умел поддержать, умел подарить ребёнку чувство, что рядом находится человек, который сильнее любых трудностей.

Именно поэтому мне до сих пор тяжело слышать, когда кто-то пытается судить человека только по одной стороне его жизни. Да, алкоголь разрушал нашу семью. Да, мама пережила рядом с ним очень многое. Но если говорить только об этом, получится совсем другой человек — не тот, которого знал я. Моё детство невозможно представить без отца. Он научил меня многим вещам, даже если сам не всегда это осознавал. И одна из них заключалась в том, что любовь к человеку может жить рядом с болью. Эти чувства совсем не противоречат друг другу. Иногда они существуют одновременно, и именно поэтому воспоминания о детстве никогда не бывают только светлыми или только тёмными. Они всегда смешаны, как сама жизнь.

Прошло много лет, но каждый раз, когда я вижу родителей, которые учат своих детей кататься на велосипеде, самокате или роликах, я невольно вспоминаю тот день. Перед глазами снова появляется тот небольшой спуск возле дома, мои дрожащие ноги и отец, который бежит позади, готовый в любую секунду подхватить меня. Наверное, именно таким я и хочу однажды стать для своих детей — человеком, рядом с которым не страшно сделать первый шаг, потому что знаешь: если вдруг потеряешь равновесие, тебя обязательно поймут.

Следующее воспоминание об отце оказалось совсем другим. Оно тоже осталось со мной на всю жизнь, но уже не из-за ощущения счастья, а потому, что именно тогда я впервые понял: даже самые близкие люди иногда совершают поступки, которые ребёнку очень трудно объяснить. Началось всё с моей маленькой копилки, в которой я собирал деньги на свою детскую мечту.

Копилка

В детстве у меня была копилка. Не помню, какой именно она была и на что я тогда собирал деньги. Если честно, кажется, я вообще всё время на что-нибудь копил. Для ребёнка это было целое событие: каждая монета отправлялась внутрь, и постепенно казалось, что до мечты остаётся всё меньше. Сейчас я уже не вспомню ни сумму, ни цель, но саму копилку помню очень хорошо. С ней связано сразу два воспоминания, которые остались со мной на всю жизнь.

Первое — это дефолт. Тогда я был ещё совсем маленьким и, конечно, ничего не понимал в том, что происходит в стране. Не знал слова «инфляция», не понимал, почему взрослые так переживают и о чём постоянно говорят по телевизору. Но одна вещь запомнилась очень отчётливо: деньги, которые я долго собирал, вдруг обесценились. Для ребёнка это было непонятно и очень обидно. Ты копишь, радуешься каждой новой монете, а потом оказывается, что всё это уже почти ничего не стоит. Только спустя много лет я понял, что тогда произошло в стране, а в детстве это осталось просто странным и неприятным воспоминанием.

Вторая история произошла уже позже.

Однажды ночью отец пришёл домой пьяный. Я уже спал, когда он разбудил меня. Сквозь сон я сначала даже не понял,

что происходит. Он спросил, где находится моя копилка. Я показал. Тогда он сказал, что возьмёт из неё деньги и обязательно потом всё вернёт. Сказал, что сейчас они ему очень нужны. Сколько именно денег лежало в копилке, я уже не помню. Помню только, что забрал он всё.

Наверное, тогда я не задавал никаких вопросов просто потому, что был ребёнком. Передо мной стоял отец. Он сказал, что обязательно вернёт деньги, и мне хотелось ему верить. Я снова лёг спать, а утром копилка была уже пустой.

Через какое-то время он действительно вспомнил о своём обещании. Насколько я помню, принёс двести рублей бумажными деньгами и билеты в цирк. Конечно, это уже были не те самые накопления, которые я долго собирал, но дело было не в деньгах. Для меня было важно другое: он не сделал вид, что ничего не произошло. Он помнил тот ночной разговор и по-своему попытался исправить то, что сделал.

Наверное, именно поэтому мне всегда было трудно говорить об отце однозначно. Стоило вспомнить эту историю, как память тут же подбрасывала десятки других, в которых он был совсем другим человеком. Мы вместе ходили на спидвей, он учил меня кататься на роликах, покупал мне велосипед, о котором мечтал любой мальчишка. И чем старше я становился, тем сильнее понимал одну странную вещь: человек, который среди ночи забирал деньги из детской копилки, и человек, который был готов, не раздумывая, броситься меня защищать, — это был один и тот же отец.

Наверное, больше всего мне запомнился один день, когда мы собирались поехать на спидвей. К тому времени родители уже не жили вместе. Мне было лет десять или одиннадцать. Мы с другом договорились встретиться с отцом на Первой Речке, а уже оттуда поехать на стадион. Пока ждали его, к нам подошли несколько ребят постарше. В те годы подобные встречи редко заканчивались чем-то хорошим. Они начали что-то говорить, пытались нас запугать, как тогда говорили — «качать рамсы». Мы стояли молча и не знали, что делать.

В этот момент появился отец. Он сразу понял, что происходит. Не стал выяснять, кто прав, кто виноват, не вступил в долгий разговор. Посмотрел на меня и спросил всего одно:

— Пристают?

— Да.

После этого всё произошло за считанные секунды. Он ударил одного парня, потом второго. Оба оказались на земле. Помню, как какая-то женщина закричала:

— Что же вы детей бьёте?!

Отец бросил ей что-то резкое в ответ, и на этом всё закончилось. Те ребята больше к нам не подходили. Мы просто пошли дальше, будто ничего особенного не произошло. А для меня это стало одним из тех моментов, которые невозможно забыть. Тогда я впервые увидел, что, если дело касается меня, отец не будет долго думать или искать правильные слова. Он просто встанет между мной и опасностью.

И это был далеко не единственный случай.

Уже значительно позже, когда я учился в старших классах, мы с друзьями сидели на Первой Речке. В какой-то момент к нам подошёл мужчина с ножом. Мы бросились убежать. И как будто по какому-то невероятному совпадению в этот момент мне позвонил отец.

— Ты где?

— На Первой Речке.

— Что делаешь?

— Да от мужика с ножом убегаем...

Он ответил коротко:

— Я тоже на Первой Речке.

Через несколько минут отец уже был рядом. Он сбил того мужчину с ног и начал его бить. Во время драки тот несколько раз ударил его ножом по ногам. Крови было очень много. Приехала скорая, его увезли в травмпункт, но там отказались оказывать помощь, потому что с собой не было полиса. Ему пришлось ехать домой за документами, и только после этого раны зашили.

Наверное, именно поэтому я никогда не смогу сказать, что мой отец был только хорошим или только плохим человеком. Я слишком хорошо помню обе стороны его жизни. Помню ночную копилку. Помню человека, которого алкоголь менял до неузнаваемости. Но так же хорошо помню и другого отца — того, который без колебаний бросался защищать своего сына, даже если потом сам уезжал в больницу с но-

жевыми ранениями. Именно поэтому, несмотря ни на что, я всегда был уверен в одной простой вещи: отец любил меня. И, наверное, любит до сих пор.

Переезд

Наверное, именно поэтому я никогда не держал на него зла. Уже взрослым я понял, что главной жертвой всей этой истории был даже не я. Меня отец никогда не бил, никогда не унижал, насколько я помню, всегда относился ко мне тепло и бережно. А вот маме рядом с ним пришлось намного тяжелее. Их семейная жизнь не сложилась, и с каждым годом становилось всё очевиднее, что дальше вместе они жить уже не смогут.

Помню тот день, когда мы уехали от отца. Если честно, сейчас уже не вспомню, сколько именно мне было лет. По-моему, всё произошло очень быстро. Приехал дядя Вова. Мы собрали вещи и уехали. Без долгих прощаний, без каких-то громких сцен, которые обычно показывают в кино. Просто в какой-то момент одна жизнь закончилась, а началась совсем другая.

Самое удивительное, что тогда я не воспринимал это как трагедию. Наоборот, внутри было какое-то странное чувство облегчения. Уже позже я понял, почему. Всё напряжение, которое годами копилось между родителями, наконец закончилось. Конечно, тогда я ещё не мог этого объяснить словами. Я был ребёнком. Но дети очень хорошо чувствуют атмосферу дома, даже если взрослые стараются ничего не пока-

зывать. И когда мы переехали, дома впервые стало спокойно.

Мы переехали к бабушке и дедушке на Баляева. Именно с этого момента началась совсем другая глава моего детства. Новая квартира, новый двор, новые друзья. Казалось, что жизнь начинается заново, хотя школу мама менять не стала. Рядом была сорок третья школа, но мама всегда говорила, что туда меня не отдаст. Поэтому каждое утро мне предстояло ездить через весь город в мою семнадцатую школу. Сначала меня возили мама, бабушка или дедушка, а уже позже, когда стал постарше, я начал ездить сам.

Жили мы тогда в трёхкомнатной квартире, где когда-то выросла мама. Моё место было прямо в зале. Там стоял диван, на котором я спал, и телевизор, без которого я вообще не мог уснуть. Это была настоящая детская привычка. Я всегда засыпал под какой-нибудь фильм или передачу. А потом поздно вечером приходили бабушка с дедушкой, выключали телевизор, и я обязательно просыпался. Помню, как каждый раз внутренне возмущался. Мне казалось, что без этого шума снова уснуть уже невозможно. Забавно, что спустя столько лет привычка засыпать под телевизор или какой-нибудь ролик так полностью и не исчезла.

Через некоторое время мама решила сделать мне собственную комнату. Пока я был в лагере, дома появилась перегородка. Когда я вернулся, привычный зал оказался моей новой комнатой. Впервые в жизни у меня появилось своё небольшое пространство. Для ребёнка это казалось насто-

ящей роскошью. Теперь можно было закрыть дверь, разложить свои вещи так, как хотелось самому и чувствовать, что это действительно мой угол.

Наверное, именно тогда мама совершила ещё один поступок, значение которого я понял только спустя много лет. Она взяла кредит на компьютер. Сейчас этим уже никого не удивишь, но тогда хороший компьютер был огромной покупкой. Насколько помню, он стоил около тридцати тысяч рублей — очень большие деньги для нашей семьи. Мама работала парикмахером, денег постоянно не хватало, но она всё равно решилась на этот шаг.

Самое смешное, что я никогда не был большим любителем компьютерных игр. Друзья могли часами играть, а мне почему-то было интереснее сидеть рядом и смотреть. Эта привычка, кажется, осталась со мной до сих пор. Иногда мне гораздо интереснее посмотреть, как кто-то проходит игру, чем проходить её самому. Даже сейчас, когда дома стоит PlayStation 5, я спокойно могу открыть YouTube и посмотреть чужое прохождение вместо того, чтобы самому взять в руки геймпад.

Но компьютер оказался важен совсем не из-за игр. Он стал для меня окном в другой мир. Тогда я ещё не мог представить, что спустя много лет почти вся моя работа, творчество и жизнь будут связаны именно с экраном компьютера. Конечно, в детстве я об этом не думал. Тогда это была просто дорогая покупка, которую мама смогла себе позволить,

несмотря ни на что. Лишь став взрослым, я понял, сколько сил и переживаний стояло за такими решениями. Тогда родители не могли оформить рассрочку за пять минут через телефон. Каждый крупный кредит становился настоящим испытанием для семьи.

И всё же, если спросить меня, что сильнее всего повлияло на меня в те годы, я, наверное, назову не компьютер. Это была музыка.

Компьютер появился в моей комнате, но гораздо раньше в моей жизни появилась музыка.

Я не могу объяснить, почему она так сильно меня притягивала. Просто с самого детства мне нравилось слушать песни. Неважно где: по телевизору, по радио или на кассетах. Я никогда не анализировал музыку, не думал о жанрах, аранжировках или вокале. Мне просто нравилось это ощущение. Наверное, уже тогда музыка стала тем местом, куда я мысленно уходил от всего остального.

Где-то лет в семь я впервые услышал песню Рики Мартина *Living' la Vida Loca*. До сих пор помню, какое впечатление она на меня произвела. Эти латинские ритмы, энергия, настроение — тогда мне казалось, что красивее музыки уже быть не может. Я ещё не понимал, что впереди меня ждёт знакомство, которое определит многие годы моей жизни.

Всё изменилось в тот момент, когда появился Децл.

Это сейчас можно открыть телефон и за секунду найти любую песню в мире. Тогда всё было совсем иначе. Каж-

дый новый клип становился событием. Новые журналы ждали неделями. Постеры берегли как сокровища. Музыку не пролистывали за несколько секунд — её проживали.

Помню один совершенно обычный день. Я шёл после школы к бабушке. По дороге стоял небольшой ларёк, где продавались газеты и журналы. И вдруг я увидел журнал «Все звёзды». На обложке или внутри — уже не помню — был Децл. Я буквально замер возле этого киоска. Мне казалось, что этот журнал обязательно должен стать моим.

Я пришёл к бабушке и сразу попросил:

— Бабуль, дай, пожалуйста, сто рублей.

Она удивилась:

— Зачем тебе столько?

Я ответил честно:

— Хочу журнал купить.

По папиной линии бабушка с дедушкой жили немного спокойнее в финансовом плане. Бабушка почти никогда мне не отказывала. Она дала деньги, и я сразу побежал обратно к киоску. Наверное, именно с того журнала началась моя первая настоящая коллекция. Я вырезал постеры, аккуратно развешивал их по стенам и с нетерпением ждал каждого нового выпуска.

Очень скоро отец подарил мне плеер **Sony Walkman**. Тогда это была настоящая роскошь. Я почти не расставался с ним. Надевал наушники и мог часами слушать одну и ту же кассету. По телевизору постоянно крутили клипы Децла, и

для меня он очень быстро стал человеком, который открыл совершенно новый мир. Именно тогда я окончательно полюбил рэп. Причём, что интересно, зарубежный рэп меня тогда совершенно не интересовал. Я слушал именно Децла. Наверное, потому что именно с него всё и началось.

Этим моё увлечение не ограничилось. Бабушка по маминской линии работала швеёй. Узнав, как сильно мне нравится Децл, она вышила на моей пижаме его нашивку. Для кого-то это была бы просто небольшая деталь, а для меня тогда — настоящий предмет гордости. Я с удовольствием носил эту пижаму и чувствовал себя самым счастливым ребёнком. Недавно, когда мы всей семьёй разбирали старые коробки с фотографиями и открытками, я неожиданно нашёл детские поздравительные открытки, которые когда-то делал сам. На одной из них были логотип Pepsi, MTV и изображение Децла. Это была маленькая капсула времени, которая в одно мгновение вернула меня в начало двухтысячных.

Первую кассету Децла мне, если честно, уже не вспомнить, кто купил. А вот вторую — альбом «Уличный боец» — я запомнил очень хорошо. Мы с бабушкой были где-то на Столетьи, она тогда работала на выборах. Возле остановки стоял небольшой ларёк с кассетами. Именно там она купила мне этот альбом. Для кого-то это была обычная покупка, а для меня — настоящее событие. Я заслушивал эту кассету до такой степени, что, кажется, знал каждую песню наизусть.

Наверное, именно тогда я впервые понял, что музыка мо-

жет стать чем-то гораздо большим, чем просто развлечением. Тогда я, конечно, не мог представить, что спустя много лет вся моя жизнь снова приведёт меня именно к музыке — уже не как слушателя, а как человека, который будет мечтать создавать артистов, записывать песни и строить собственный музыкальный проект. Но, если честно, оглядываясь назад, мне кажется, всё началось именно у того маленького газетного киоска, возле которого однажды мальчишка остановился, увидев журнал с Децлом.

Первые победы над собой

После переезда на Баляева жизнь постепенно входила в привычное русло. Школа, двор, друзья, музыка, бесконечные прогулки — дни были похожи друг на друга, и, наверное, именно поэтому детство тогда казалось бесконечным. Никто из нас не думал о будущем. Мы жили сегодняшним днём. Главной проблемой было успеть сделать уроки до того, как друзья позовут на улицу, а самым большим наказанием — услышать вечером из окна своё имя, когда мама звала домой.

Большую часть свободного времени я проводил с Ваней Тимошенко. Мы познакомились почти сразу после моего переезда и очень быстро стали неразлучными. Кажется, не проходило и дня, чтобы мы не виделись. Мы были ровесниками, жили рядом, учились жить в одном дворе, постепенно взрослели вместе. Сейчас наши дороги давно разошлись, но, когда я вспоминаю своё детство, Ваня почти всегда находится где-то рядом.

Именно он однажды предложил мне записаться на кудо. Сам он уже какое-то время занимался и постоянно рассказывал о тренировках. Тогда мне тоже захотелось попробовать. Так мы оказались в спортивном зале ДКЖД, где начал работать наш первый тренер — Максим Леонидович. Именно с него началась моя многолетняя спортивная история. Если честно, сейчас многие удивляются, когда узнают, сколько лет

я занимался единоборствами. Наверное, потому что принято думать, будто спортсмен обязательно должен любить тренировки, ждать каждое занятие и жить соревнованиями. У меня всё было иначе. Я никогда не любил сам процесс тренировок. Даже сейчас могу честно в этом признаться. Почти каждое занятие я ловил себя на одной и той же мысли. Поднимал глаза на часы и думал только о том, когда же всё закончится. Не потому, что было тяжело физически. Просто мне никогда не доставляло удовольствия бесконечно повторять удары, стойки, упражнения. Наверное, спорт был для меня не страстью, а привычкой, которая постепенно стала частью жизни. Но, как ни странно, желания бросить тоже не возникало. Меня удерживал совсем не спорт. Меня удерживали люди. Почти все мои друзья тогда были именно из секции. После тренировок мы ещё долго не расходились по домам. Разговаривали, смеялись, обсуждали школу, строили планы, договаривались встретиться на следующий день. Постепенно я перестал воспринимать кудо как место, куда ходят тренироваться. Для меня это стало местом, где собирались мои друзья. Именно поэтому спустя столько лет я почти не вспоминаю технику ударов или свои первые успехи. Зато очень хорошо помню лица ребят, которые были рядом.

Наверное, именно благодаря кудо в моей жизни появился лагерь «Костёр». Каждый год мы ездили туда всей командой. Для нас это было настоящее приключение. Несколько недель без родителей, рядом друзья, тренировки, дискотеки,

спортивные соревнования. В детстве такие поездки казались настоящей взрослой жизнью. Первый год прошёл просто замечательно. Сейчас уже многое стёрлось из памяти, но какие-то моменты почему-то сохранились удивительно чётко. Помню, что там за меня даже подрались две девочки. Кажется, одну из них звали Арина. Тогда мне было лет четырнадцать или пятнадцать. Конечно, сегодня это вызывает только улыбку, но в том возрасте подобные вещи казались невероятно важными. Особенно хорошо я помню самое начало одной из смен. Практически сразу после приезда мне стало плохо. То ли чем-то отравился, то ли просто организм так отреагировал на дорогу. Пока остальные ребята уже успели провести первую тренировку и пробежать обязательный кросс, я лежал в медпункте и думал только о том, чтобы быстрее прийти в себя. К вечеру мне стало намного лучше. А вечером в лагере всегда происходило самое интересное — первая дискотека. Я быстро собрался, привёл себя в порядок, кажется, даже успел надушиться, и уже шёл к выходу, когда меня остановил Максим Леонидович.

— Ты куда?

— На дискотеку.

Он посмотрел на меня и спокойно сказал:

— А кросс сегодня кто за тебя бегать будет?

Я попытался объяснить, что весь день пролежал с отравлением, но тренер только улыбнулся.

— Если уже здоров, значит сначала иди и пробеги всё, что

пропустил. Потом можешь идти танцевать.

Делать было нечего.

Я пошёл на стадион.

Честно говоря, количество кругов я уже не помню. Кажется, их было около пятидесяти. Для подростка это казалось бесконечностью. Я начал бежать, понимая, что на дискотеку, скорее всего, уже не успею. И тут произошло то, что я помню до сих пор. Ребята из нашей команды просто начали бегать вместе со мной. Кто-то пробежал несколько кругов, кто-то больше. Они буквально разделили эту дистанцию между собой, лишь бы я быстрее закончил и мы все вместе пошли на дискотеку. Максим Леонидович это видел. Он не стал запрещать. Просто наблюдал со стороны, а потом разрешил нам идти. Прошло больше двадцати лет. Многие из тех мальчишек давно выросли. Кто-то полностью посвятил жизнь спорту. Костя Караульных стал двукратным чемпионом России по кудо и позже открыл собственный клуб Black Belt во Владивостоке. Другие ребята тоже нашли себя в единоборствах и профессиональном спорте. А я выбрал совсем другую дорогу. Но, как ни странно, когда вспоминаю те годы, я думаю не о тренировках и не о победах. Я вспоминаю друзей, которые однажды побежали рядом только потому, что не хотели оставлять своего товарища одного на стадионе. Именно такие моменты почему-то остаются с человеком на всю жизнь.

Обещание самому себе

Детство редко запоминается целиком. Из десятков одинаковых дней память почему-то выбирает всего несколько моментов и хранит их всю жизнь. Иногда даже не понимаешь почему. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Никто не совершил подвиг, не случилось какой-то большой трагедии. Но именно такие воспоминания спустя годы всплывают первыми. Я очень хорошо помню, что денег дома почти никогда не хватало. Наверное, в детстве я ещё не понимал, что такое семейный бюджет, кредиты, коммунальные платежи или зарплата. Но дети очень тонко чувствуют настроение взрослых. Не обязательно слышать разговоры о деньгах. Достаточно видеть лицо мамы, когда она вечером сидит за столом и снова что-то пересчитывает. Мама работала парикмахером. Она очень много трудилась, но зарабатывала немного. Конечно, мы не были совсем одни. Нам помогали бабушка, дедушка, тётя Надя. Но особенно много для нашей семьи сделал дядя Вова. Тогда я воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. Только став взрослым, понял, какую огромную роль он сыграл в нашей жизни. Если бы не его постоянная помощь, маме пришлось бы ещё тяжелее. И, наверное, многие вещи, которые для меня были обычным детством, просто не состоялись бы. В детстве кажется, что взрослые могут всё. Что родители обязательно найдут вы-

ход из любой ситуации. Только иногда ребёнок случайно становится свидетелем момента, который навсегда меняет это ощущение. Я очень хорошо помню один вечер. Мама плакала. Не помню, сколько мне тогда было лет. Не помню, из-за чего именно не хватало денег. Не помню даже, говорил ли я что-нибудь в тот момент. Но саму картину помню до сих пор. Мама сидела и плакала, потому что денег не хватало. Это одно из самых тяжёлых воспоминаний моего детства. Не потому, что произошло что-то страшное. А потому, что впервые я увидел человека, который всегда казался самым сильным в мире, совершенно беспомощным перед обстоятельствами. Наверное, именно тогда я дал себе обещание. Детское. Наивное. Но абсолютно искреннее. Я сказал себе, что обязательно вырасту, заработаю очень много денег и сделаю так, чтобы мама больше никогда не плакала из-за них. Мне хотелось, чтобы она больше не работала, чтобы могла отдыхать, путешествовать, покупать всё, что захочет. Тогда я был уверен, что обязательно смогу это сделать. Ребёнок вообще редко сомневается в своих мечтах. Для него невозможного почти не существует. Прошли годы. Я действительно всю взрослую жизнь куда-то бежал. Постоянно работал, открывал новые проекты, ошибался, снова начинал сначала. Очень многое из того, что я делал, было связано вовсе не с желанием стать богатым ради красивой жизни. Я просто очень хотел однажды выполнить обещание, которое дал самому себе ещё ребёнком. Пока у меня это не получилось. Иногда мне даже ка-

жется, что именно этот вечер определил многие мои решения. Желание заработать больше, попробовать ещё раз, не останавливаться после неудач — всё это, наверное, выросло не из любви к деньгам. Деньги сами по себе никогда не были моей мечтой. Они были способом защитить тех, кого я люблю. Способом сделать так, чтобы больше никто из моей семьи не переживал то, что когда-то пережила мама. Конечно, ребёнком я не мог сформулировать всё именно так. Тогда внутри была всего одна простая мысль: **«Когда я вырасту, мама больше никогда не будет плакать из-за денег»**. К сожалению, жизнь устроена гораздо сложнее детских обещаний. Но даже сейчас, спустя столько лет, мне кажется, что я всё ещё продолжаю выполнять именно его.

Дядя Вова

Когда вспоминаешь своё детство, постепенно понимаешь одну интересную вещь. Ребёнок редко замечает, сколько людей на самом деле участвуют в его жизни. Ему кажется, что всё происходит само собой. На кухне всегда есть еда, одежда появляется в шкафу, а взрослые каким-то образом решают любые проблемы. Только спустя годы начинаешь видеть, сколько труда, заботы и взаимной поддержки скрывалось за этим привычным ощущением дома.

После развода родителей мы жили вчетвером: мама, бабушка, дедушка и я. Это была квартира моей бабушки и дедушки по маминой линии. Мы были одной семьёй не только на словах. У нас был общий быт, общий стол, общие продукты и общие заботы. Пока мама работала, бабушка и дедушка занимались мной, помогали с уроками, следили, чтобы я был накормлен, одет и ни в чём не нуждался. Тогда мне казалось, что так живут абсолютно все. Лишь став взрослым, я понял, насколько большую часть моего детства они взяли на себя.

Бабушка вообще была человеком, который постоянно находился рядом. Она провожала меня в школу, встречала после уроков, готовила, переживала из-за моих оценок и всегда старалась окружить меня заботой. Дедушка был человеком более сдержанным, но его присутствие я ощущал каждый день. Они оба воспитывали меня, и было бы несправед-

ливо сказать, что всем занималась только мама. На самом деле меня растила вся наша семья. Но был ещё один человек, без которого многие вещи в нашей жизни могли сложиться совсем иначе. Это был дядя Вова. В детстве я не задумывался, насколько много он для нас делал. Он часто приезжал, помогал маме, что-то привозил, решал вопросы, которые тогда казались мне обычными взрослыми делами. Я воспринимал это совершенно естественно. Мне казалось, что так и должно быть. Только спустя много лет я понял, что его помощь была далеко не формальностью. Он действительно поддерживал нашу семью. Причём делал это не для того, чтобы заслужить чью-то благодарность или выглядеть хорошим человеком. Он просто видел, что нам непросто, и помогал настолько, насколько мог. Наверное, именно поэтому в детстве я никогда не чувствовал себя одиноким. Несмотря на развод родителей и постоянные финансовые трудности, рядом всегда были взрослые, на которых можно было положиться. Каждый по-своему заботился обо мне. Кто-то воспитывал, кто-то работал, кто-то помогал деньгами, кто-то просто находился рядом в нужный момент. Лишь сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, насколько мне в этом повезло. Иногда кажется, что семью определяет фамилия или степень родства. Но с возрастом начинаешь понимать, что настоящая семья определяется совсем другим. Это люди, которые остаются рядом тогда, когда трудно. Люди, которые помогают не потому, что обязаны, а потому что считают это правильным. Именно та-

ким человеком для нашей семьи был дядя Вова. Когда был ребёнком, я этого почти не замечал. Теперь же понимаю, что многие спокойные моменты моего детства стали возможны в том числе благодаря ему. И за это чувство благодарности с годами стало только сильнее. Ещё я очень хорошо помню наши поездки с дядей Вовой на дачу. Сначала у него была Toyota Carina, а вообще он всегда любил машины, особенно автобусы и микроавтобусы. Когда мы уже сворачивали с основной дороги и ехали по грунтовке в сторону дачи, он сажал меня к себе на колени и давал держаться за руль. Конечно, машиной управлял он, но мне тогда казалось, что веду именно я. Для ребёнка это было невероятным ощущением: дорога впереди, мои руки на руле, рядом дядя Вова, который полностью мне доверяет. Эти короткие поездки остались в памяти как одни из самых счастливых моментов детства. Наверное, именно из таких простых эпизодов и складывается настоящая близость — не из громких слов, а из времени, проведённого вместе. Дядя Вова всегда был для меня больше, чем просто дядей. Он относился ко мне почти как к сыну, а я воспринимал его как человека, рядом с которым всегда было спокойно и надёжно.

В каждой семье есть человек, который незаметно становится её опорой. Он не стремится быть главным. Не требует внимания к себе. Не ждёт благодарности. Но именно к нему идут за советом. Ему звонят, когда случается беда. Ему пер-

вому рассказывают хорошие новости. Именно таким человеком для нашей семьи стал мой дядя Вова.

У дяди нет собственных детей. Но было бы неправильно сказать, что он не оставил после себя продолжения. Любовь, которую человек отдаёт другим, тоже становится наследием. И иногда она оказывается гораздо важнее родства по крови.

Для меня Вова никогда не был просто дядей. В моей жизни он стал человеком, которого трудно описать одним словом. Он был дядей, другом, наставником, поддержкой, опорой и в какие-то моменты — почти вторым отцом. Наверное, именно так и проявляется настоящая семья. Не через формальные роли, а через поступки.

Есть люди, рядом с которыми становится спокойно. Потому что знаешь: что бы ни случилось, они не отвернутся. Вова именно такой человек. Если семье тяжело — он рядом. Если случилась беда — он поможет. Если произошло что-то хорошее — он искренне разделит радость. Ему не нужно напоминать о чужих проблемах. Он сам замечает их раньше других.

Я не помню случая, чтобы он отказал человеку, которому действительно была нужна помощь. Он помогает близким. Помогает друзьям. Помогает совершенно посторонним людям. Помогает животным. Не потому, что так надо. А потому, что иначе просто не умеет. Для него доброта никогда не была обязанностью. Она стала образом жизни. Наверное, у каждого человека есть тот, кого можно назвать своим анге-

лом-хранителем. Для моей семьи таким человеком стал дядя Вова. Он никогда не стремился занять это место. Просто однажды оказалось, что именно на него всегда можно рассчитывать. И с тех пор ничего не изменилось.

Когда-нибудь мои дети откроют эту книгу. И я очень хочу, чтобы они знали, какой он человек. Чтобы понимали: в нашей семье живёт человек необыкновенной доброты. Человек, который всегда выбирает помощь вместо равнодушия. Поддержку вместо осуждения. Любовь вместо безразличия.

Если после прочтения этой главы они захотят стать хоть немного похожими на него, значит, память о моём дяде Владимире будет жить дальше.

Мама

Мама всегда была человеком, вокруг которого держался весь наш дом. После развода она не осталась одна — рядом были бабушка, дедушка, дядя Вова, вся семья, — но именно на её плечи легла ответственность за меня. Она работала парикмахером по двенадцать часов, два дня проводила на работе, а следующие два дня занималась домом: готовила, стирала, убирала и снова уходила работать. Мне кажется, вся её жизнь состояла из бесконечного круга забот. При этом она почти никогда не думала о себе. Всё, что у неё было — время, силы, деньги, любовь, — она вкладывала в меня. Она часто говорила: «Если счастлив ты, значит, счастлива и я». Только повзрослев, я понял, насколько страшной может быть такая формула жизни, когда человек полностью забывает о себе ради другого. По характеру мама была удивительным сочетанием противоположностей. Она могла быть одновременно мягкой и строгой, весёлой и тревожной, вспыльчивой и невероятно заботливой. Во время уроков, когда я чего-то не понимал, она иногда срывалась, могла повысить голос, но так же быстро остывала, подходила, обнимала меня и просила прощения. Сейчас я понимаю, что это была не злость. Это была усталость человека, который после тяжёлой смены садился рядом с сыном и очень хотел, чтобы у него получилось то, чего, как ей казалось, не смогла добиться она

сама. Учёба была практически единственным, чего она действительно требовала от меня. Она хотела, чтобы я хорошо учился, получал четвёрки и пятёрки, но при этом никогда не наказывала меня так, как это было принято во многих семьях. У меня не забирали компьютер, не запрещали гулять, не лишали каких-то вещей. Она могла накричать, но никогда не переставала любить. Наоборот, через несколько минут уже жалела об этом и первой шла мириться. Наверное, именно от мамы мне досталось чувство вкуса. Она всегда была очень красивой женщиной. Хотя от природы она брюнетка, я почти всю жизнь помню её с красивыми завитыми кудрями. Она любила красиво одеваться и так же одевала меня. До сих пор вспоминаю наши походы за одеждой. Я выбирал какие-нибудь джинсы, которые казались мне классными, а мама улыбалась и говорила: «Померь вот эти». Мне не хотелось, я спорил, но всё-таки примерял. И каждый раз оказывалось, что она была права. Сейчас, когда меня спрашивают, откуда у меня чувство стиля и внимание к деталям, я без сомнений отвечаю: от мамы. Именно она научила меня видеть красоту и понимать, что иногда стоит довериться человеку, у которого вкус лучше твоего. При этом мы с ней были очень разными. Мама всегда боялась. Не потому, что была слабой, а потому, что жизнь научила её быть осторожной. Она боялась нажать лишнюю кнопку на телефоне, переживала, что можно что-то сломать, испортить или потерять, потому что знала цену каждой вещи. Всё в её жизни

доставалось огромным трудом. А я, наоборот, никогда этого страха не испытывал. Если что-то ломалось, я просто пытался починить. Не получилось — значит, нужно искать другое решение. Думаю, именно поэтому она часто говорила мне: «Вот будут у тебя свои деньги — тогда поймёшь, как тяжело они достаются». Возможно, она хотела научить меня бережливости. Но гораздо важнее было другое. Она своим примером показала, какой ценой иногда даётся обычная, спокойная жизнь. В детстве мне иногда казалось, что мамы в моей жизни слишком много. Сейчас я понимаю, что это была не попытка меня контролировать. Это была любовь. Большая, искренняя и немного тревожная. Такая любовь, которая всё время боится потерять, поэтому старается быть рядом каждую секунду. С возрастом я всё сильнее хотел самостоятельности, хотел сам принимать решения, уезжать, строить свою жизнь. И, наверное, единственное, чего мне всегда хотелось от мамы, — чтобы она не боялась отпускать меня. Не думала, что я её бросаю, когда уезжаю в другой город. Не считала, что расстояние способно уменьшить любовь. Потому что это невозможно. Она была, есть и навсегда останется самым родным человеком в моей жизни. И если бы мне сегодня хотелось сказать ей всего несколько слов, они были бы очень простыми: «Мама, просто верь в меня. Я никуда от тебя не уйду. Я просто иду своей дорогой. А ты всегда будешь моим домом». Наверное, именно мама заложила во мне многое из того, что позже определило мою жизнь.

Любовь к людям, чувство благодарности, вкус, желание заботиться о близких и никогда не проходить мимо чужой беды. В чём-то мы оказались совершенно разными, в чём-то — удивительно похожими. Но одно осталось неизменным. Что бы ни происходило в моей жизни, я всегда знал: если случится беда, мама будет рядом. И, наверное, именно это ощущение — что дома тебя всегда ждут и любят — стало самым главным подарком моего детства. Но детство постепенно заканчивалось. Чем старше я становился, тем меньше времени проводил дома. Двор сменился секцией, потом появились новые друзья, первые компании, музыка начала занимать всё больше места в моей жизни, а впереди уже маячили старшие классы, первая любовь, клубы, университет и ощущение, что взрослая жизнь вот-вот начнётся. Я ещё этого не понимал, но именно тогда, незаметно для самого себя, переставал быть ребёнком.

Юность начинается

Наверное, детство заканчивается не в тот день, когда получаешь паспорт, и не после выпускного вечера. Оно уходит гораздо незаметнее. В какой-то момент ты просто начинаешь проводить на улице больше времени, чем дома. Друзья становятся такой же важной частью жизни, как семья, а музыка перестаёт быть просто фоном и превращается в способ понять самого себя. Оглядываясь назад, я понимаю, что именно так и началась моя юность. Если в детстве центром моего мира были родители, бабушки, дедушки, дяди и тети то теперь всё больше места занимали друзья и двор. После школы мы практически не сидели дома. Гуляли до позднего вечера, пропадали во дворе, катались на велосипедах, ходили друг к другу в гости, разговаривали обо всём на свете. Это было то самое время, когда появляется первое ощущение настоящей свободы. Дома меня почти никогда не удерживали. Мама много работала, бабушка с дедушкой понимали, что мальчишке необходимо общение со сверстниками. Главное было вернуться домой вовремя и не натворить серьёзных глупостей. Но главным открытием тех лет для меня всё больше становилась музыка. После Децла в моей жизни появился Тимати. Мы с мамой смотрели «Фабрику звёзд», потом появилась группа «Банда», и я буквально заболел этой музыкой. Большинство моих одноклассников не понимали это-

го увлечения. Кто-то смеялся над гламурным рэпом, кто-то говорил, что это ненастоящая музыка. Но меня чужое мнение совершенно не интересовало. Мне нравилось всё, что было связано с этим миром: песни, стиль одежды, энергетика, атмосфера. Именно тогда я впервые поймал себя на мысли, которая для окружающих звучала как обычная подростковая фантазия. Я говорил: «Когда вырасту, я буду работать с Тимати». Тогда никто, включая меня самого, не мог представить, что спустя много лет эта фраза станет реальностью. Вместе с этим появилась и моя первая по-настоящему осознанная мечта. Я не хотел стать космонавтом, пожарным или бизнесменом. Мне хотелось совсем другого. Я мечтал стать артистом. Хотел держать в руках микрофон, писать песни, читать рэп, выходить на сцену и жить музыкой. Сейчас, вспоминая себя того времени, я улыбаюсь, потому что объективно никаким выдающимся талантом тогда не обладал. Мне было сложно попадать в ритм, сложно чувствовать бит, сложно записывать голос. Очень многое не получалось. Но желание было настолько сильным, что все эти недостатки казались временными. Мне казалось, что если продолжать идти вперёд, однажды обязательно получится стать частью того мира, который тогда существовал для меня только на экране телевизора и в наушниках плеера. Наверное, именно тогда я впервые понял, что музыка для меня — это не просто увлечение. Она постепенно становилась тем направлением, вокруг которого однажды выстроится вся моя жизнь.

Детство заканчивается не в тот день, когда получаешь паспорт, и не после выпускного вечера. Оно уходит гораздо незаметнее. В какой-то момент ты просто начинаешь проводить на улице больше времени, чем дома. Друзья становятся такой же важной частью жизни, как семья, а музыка перестаёт быть просто фоном и превращается в способ понять самого себя. Оглядываясь назад, я понимаю, что именно так и началась моя юность. Если в детстве центром моего мира были родители, бабушка, дедушка и дядя Вова, то теперь всё больше места занимали друзья и двор. После школы мы практически не сидели дома. Гуляли до позднего вечера, пропадали во дворе, катались на велосипедах, ходили друг к другу в гости, разговаривали обо всём на свете. Это было то самое время, когда появляется первое ощущение настоящей свободы. Дома меня почти никогда не удерживали. Мама много работала, бабушка с дедушкой понимали, что мальчишке необходимо общение со сверстниками. Главное было вернуться домой вовремя и не натворить серьёзных глупостей. Но главным открытием тех лет для меня всё больше становилась музыка. После Децла в моей жизни появился Тимати. Мы с мамой смотрели «Фабрику звёзд», потом появилась группа «Банда», и я буквально заболел этой музыкой. Большинство моих одноклассников не понимали этого увлечения. Кто-то смеялся над гламурным рэпом, кто-то говорил, что это ненастоящая музыка. Но меня чужое мнение совершенно не интересовало. Мне нравилось всё, что

было связано с этим миром: песни, стиль одежды, энергетика, атмосфера. Именно тогда я впервые поймал себя на мысли, которая для окружающих звучала как обычная подростковая фантазия. Я говорил: «Когда вырасту, я буду работать с Тимати». Тогда никто, включая меня самого, не мог представить, что спустя много лет эта фраза станет реальностью. Вместе с этим появилась и моя первая по-настоящему осознанная мечта. Я не хотел стать космонавтом, пожарным или бизнесменом. Мне хотелось совсем другого. Я мечтал стать артистом. Хотел держать в руках микрофон, писать песни, читать рэп, выходить на сцену и жить музыкой. Сейчас, вспоминая себя того времени, я улыбаюсь, потому что объективно никаким выдающимся талантом тогда не обладал. Мне было сложно попадать в ритм, сложно чувствовать бит, сложно записывать голос. Очень многое не получалось. Но желание было настолько сильным, что все эти недостатки казались временными. Мне казалось, что если продолжать идти вперёд, однажды обязательно получится стать частью того мира, который тогда существовал для меня только на экране телевизора и в наушниках плеера. Наверное, именно тогда я впервые понял, что музыка для меня — это не просто увлечение. Она постепенно становилась тем направлением, вокруг которого однажды выстроится вся моя жизнь.

Музыка вместо будущего

Наверное, большинство подростков хотя бы однажды представляет, кем станет, когда вырастет. Кто-то хочет быть врачом, кто-то лётчиком, кто-то полицейским. У меня всё было иначе. Пока мои сверстники думали о вполне обычных профессиях, я всё чаще представлял сцену, студию звукозаписи, микрофон и зрительный зал. Мне казалось, что именно там моё место. Это была не просто любовь к музыке. Она постепенно превращалась в образ жизни. Я слушал Тимати каждый день. Мне нравилось не только то, как он читает рэп, но и всё, что было вокруг него. Манера одеваться, уверенность в себе, ощущение большого города, бизнеса, красивой жизни, творческой команды — всё это казалось невероятно притягательным. Тогда я ещё не мог объяснить, почему меня так тянет именно к этому. Сейчас понимаю, что меня привлекала не роскошь. Меня привлекала возможность создавать что-то большое вместе с людьми, которые живут музыкой. Постепенно эта мечта становилась всё более конкретной. Я уже не просто хотел читать рэп. Мне хотелось оказаться внутри музыкальной индустрии. Тогда, конечно, я ещё не понимал, сколько профессий существует в этом мире. Мне казалось, что есть только артист. И если любишь музыку, значит, должен быть именно артистом.

При этом объективно никаких выдающихся данных у ме-

ня не было. Я далеко не всегда попадал в бит, плохо чувствовал ритм, не мог с первого раза записать даже простой куплет. Многие вещи давались тяжело. Иногда приходилось переписывать одну и ту же строчку снова и снова. Но почему-то это не останавливало. Наоборот, желание становилось только сильнее. Мне было интересно не потому, что всё получалось, а потому, что музыка приносила ощущение, которого я нигде больше не испытывал. Сейчас я понимаю одну любопытную вещь. Детские мечты редко исполняются именно в том виде, в котором мы их представляем. Я действительно хотел стать артистом. Но жизнь постепенно вела меня совсем к другой роли. Тогда я этого ещё не видел. Мне казалось, что обязательно должен стоять на сцене сам. Пройдут годы, прежде чем я пойму: больше всего удовольствия мне приносит создавать артистов, помогать им, придумывать идеи, собирать команды и строить проекты. Но до этого понимания было ещё очень далеко. Впереди меня ждали первая настоящая любовь, первые сигареты, первые клубы, первые ошибки и ощущение, что взрослая жизнь уже началась. Хотя на самом деле она только готовилась сделать первый серьёзный шаг. Музыка постепенно становилась всё большей частью моей жизни, но сама жизнь при этом продолжала идти своим чередом. Школа никуда не исчезала. Честно говоря, учиться мне никогда не нравилось. Не потому, что предметы были сложными, а потому, что мне было совершенно неинтересно сидеть за партой. Я никогда не понимал материал так, как

понимали некоторые мои одноклассники. Всё, что получалось, достигалось исключительно заучиванием. Я мог много раз переписывать одно и то же, повторять, запоминать, но настоящего интереса к школьным предметам у меня не возникло ни разу. Любимых уроков у меня тоже не было. Если бы тогда кто-нибудь спросил, какой предмет мне нравится больше всего, я бы, наверное, не смог ответить. Мне гораздо интереснее было дожидаться перемены, выйти в коридор, встретиться с друзьями, обсудить что-то своё, побегать, пошутить. Школьная жизнь для меня происходила не на уроках, а между ними. Несмотря на это, серьёзных проблем со школой у меня почти не было. Учителя меня знали, одноклассники тоже. Да, в младших классах я часто дрался. Сейчас даже не могу объяснить почему. Это не было жестокостью или желанием кого-то унижить. Скорее, тогда большинство мальчишек так выясняли отношения. Одним из тех, кому доставалось чаще остальных, был мой друг Миша Сидоренко. Мы дружили с первого класса, но при этом я постоянно с ним дрался. Продолжалось это до тех пор, пока однажды он не дал мне сдачи. Он уже занимался боксом, и в тот день я впервые понял, что больше лезть к нему не стоит. Помню, он тогда ещё неудачно ударил в стену и сломал руку. После этого случая мы больше никогда не дрались. Наоборот, со временем стали очень близкими друзьями. Иногда кажется, что именно после той драки наша настоящая дружба и началась.

Вообще конфликтным человеком я себя никогда не счи-

тал. Был только один серьёзный случай, который запомнился надолго. Уже занимаясь кудо, я столкнулся со старшеклассником, который решил выяснить со мной отношения после школы. Всё было почти по классическому сценарию тех лет: зима, школьный двор, вокруг собираются ребята посмотреть драку. Но к тому моменту несколько лет тренировок уже дали результат. Всё закончилось буквально за считанные секунды. После этого случая никто больше не пытался устраивать мне подобных проверок. Не потому, что я стал каким-то авторитетом. Просто ко мне перестали возникать вопросы. Да и сам я никогда не искал конфликтов. Если их можно было избежать, я спокойно проходил мимо. Примерно в это же время постепенно менялась и вся наша компания. Мы выросли, а вместе с нами менялись и интересы. Если раньше пределом мечтаний было погонять мяч или покататься на велосипедах, то теперь разговоры становились совсем другими. Всё чаще обсуждали музыку, девчонок, клубы, взрослую жизнь. Хотелось быстрее вырасти, казаться старше, выглядеть взрослее. Тогда же появились первые сигареты. Мама довольно быстро узнала, что я курю. Помню забавный случай в школе. Я стоял на крыльце и курил, когда меня заметила охранница. Она сразу побежала жаловаться директору. Но директор прекрасно знала, что в детстве у меня была астма, поэтому даже не поверила её словам. Она искренне возмущалась, убеждая охранницу, что такого быть не может. В итоге мне самому пришлось признаться, что курил действи-

тельно я. Тогда директор позвонила маме, ожидая, наверное, бурной реакции. Но мама спокойно ответила: «Я знаю». На этом история практически закончилась. Сейчас это вспоминается с улыбкой, хотя тогда мне было, конечно, не до смеха. Потом появились первые компании, в которых начали пить. Сначала это были банки «Ягуара», которые тогда казались обязательным атрибутом любого подросткового вечера. Мне хватало совсем немного алкоголя. Уже после второй банки становилось плохо. Крепкий алкоголь я почти сразу невзлюбил. От него будто выключалась голова, а это состояние мне никогда не нравилось. Несмотря на это, нельзя сказать, что моё подростковое или студенческое время прошло без алкоголя. Мы действительно пили, как и многие ребята того возраста. Тогда казалось, что так и должна выглядеть взрослая жизнь. Только гораздо позже приходит понимание, что взрослость определяется совсем не этим. Именно тогда впереди уже маячили первые ночные клубы, первая настоящая влюблённость и университет. Мне казалось, что самое интересное в жизни только начинается. На самом деле так оно и было.

Время, когда всё происходит впервые

Детство никогда не заканчивается за один день. Нет какого-то утра, когда открываешь глаза и понимаешь: всё, теперь ты взрослый. Оно уходит постепенно. Сначала родители начинают отпускать тебя гулять чуть дальше от дома. Потом появляется своя компания. Затем приходят первые секреты, первые недоговорённости, первые чувства и первые поступки, которые хочется скрыть от взрослых. Именно так незаметно начинается подростковый возраст. Я никогда не чувствовал, что резко повзрослел. Просто однажды понял, что домой уже хочется приходить не сразу после школы. Намного интереснее было встретиться с друзьями, пройтись по району, посидеть во дворе, обсудить музыку, девчонок или просто поболтать обо всём подряд. Мир становился всё больше. Если раньше он заканчивался квартирой, школой и двором, то теперь постепенно открывался весь город. Наверное, одним из первых символов этого взросления стал мой собственный мобильный телефон. Сегодня это звучит смешно. Телефон есть практически у каждого ребёнка. Тогда же мобильник был настоящей мечтой. Мне его подарил папа на Новый год. Мы, как обычно, отмечали праздник у бабушки с дедушкой, а первого января он протянул мне небольшую

коробку.

Внутри лежал **Siemens CX65**.

Я до сих пор прекрасно помню этот телефон. Серый корпус, цветной экран, полифония. Тогда это казалось чем-то невероятным. Я даже помню рекламу, которая постоянно крутилась по телевизору: «Тринадцать квадратных сантиметров — это не так уж и много. Но когда речь заходит об экране мобильного телефона...» Тогда мне казалось, что это вообще вершина технологий. Самое интересное, что сейчас я уже не могу вспомнить, были ли мобильные телефоны у мамы и папы. Возможно, уже были. Но свой первый телефон я запомнил навсегда. Потому что вместе с ним появилось ощущение собственной самостоятельности. Теперь можно было самому звонить друзьям, договариваться о встречах, писать первые СМС и чувствовать себя немного взрослее. Но взросление — это не только новые вещи. Это ещё и первые чувства. Самое забавное, что мой первый поцелуй произошёл задолго до того, как появилась первая любовь. Мне было всего восемь лет. Из-за постоянных болезней я снова лежал в больнице с воспалением лёгких. В одном крыле находились мальчики, в другом — девочки. Со мной в палате лежали ребята постарше, а в соседней палате были девчонки лет по шестнадцать. Я с детства был довольно крупным и выглядел значительно старше своих лет. Видимо, именно поэтому одна из девушек обратила на меня внимание. Кажется, её звали Алёна.

Именно она впервые в жизни научила меня целоваться. Не по-детски, а по-настоящему. Сейчас эта история кажется невероятной, но тогда всё воспринималось совершенно естественно. Мы были детьми, просто разного возраста, а больница на какое-то время становилась отдельным маленьким миром со своими знакомствами и дружбой. После этого прошло ещё несколько лет, прежде чем поцелуи стали частью уже обычной подростковой жизни. Скорее всего, это случилось в лагерях, куда я ездил каждое лето. Но именно тот первый поцелуй почему-то отпечатался в памяти сильнее остальных. Когда люди спрашивают меня про первую любовь, я каждый раз задумываюсь. Потому что первая влюблённость и первая настоящая любовь — это всё-таки разные вещи. Наверное, первой сильной симпатией была Алина Весеёлова. Сейчас уже даже не помню, как именно мы познакомились. Она жила на Первой Речке, в доме, который тогда казался мне настоящим дворцом. Её семья была очень обеспеченной. Насколько я помню, мама владела клиниками. Для мальчишки, выросшего в совсем другой обстановке, всё это выглядело каким-то другим миром. Не знаю, можно ли назвать это любовью. Скорее, обычная подростковая влюблённость. Но чувства были настолько сильными, что однажды я даже второй раз сбежал из лагеря только потому, что она должна была куда-то уехать и мне очень хотелось успеть с ней увидеться. Тогда казалось, что это невероятно важно. Сейчас понимаешь, насколько мы все в этом возрасте ис-

крenne переживаем каждое чувство. Именно с Алиной связан и один из первых первый поход в клуб. Нам было совсем мало лет. Кажется, мне было шестнадцать, ей — пятнадцать. Самое удивительное, что в Dance House нас отвезла её мама. Насколько помню, с нами тогда был ещё Ванька Тимошенко. Мы гуляли, танцевали, чувствовали себя взрослыми. А потом её мама приехала и спокойно забрала нас домой. До сих пор вспоминаю её с теплотой. Она всегда относилась ко мне очень хорошо. Почему мы расстались, я уже совершенно не помню. Осталось только ощущение первой сильной влюблённости, которая в тот момент кажется событием всей жизни. Но настоящая первая любовь пришла немного позже. В десятом классе к нам перевелась новая девочка — Юля Диденко. Самое смешное, что первое впечатление о ней было совсем не романтичным. Я почему-то обратил внимание на её коричневые сапоги и подумал про себя что-то вроде: «Что это за дрыщ такая?» Сейчас самому смешно вспоминать эти мысли. Прошло совсем немного времени, и именно она стала человеком, к которому я испытал, наверное, первые по-настоящему глубокие чувства. Эти отношения уже совсем не были похожи на детскую симпатию. Они были сложными, эмоциональными, иногда тяжёлыми. Мы переживали, ревновали, мирились, расставались. Наверное, так и выглядит первая любовь — она редко бывает спокойной. В ней слишком много эмоций и слишком мало жизненного опыта.

Любовь через годы мы не пронесли. Зато пронесли друж-

бу. И для меня это даже важнее. До сих пор, спустя столько лет, мы продолжаем общаться. Жизнь развела нас по разным дорогам, но человеческие отношения остались. Параллельно со всем этим менялся и я сам. Музыка уже перестала быть просто увлечением. Я по-прежнему слушал её каждый день, всё больше интересовался рэпом, пересматривал клипы, следил за артистами и всё чаще ловил себя на мысли, что хочу оказаться по ту сторону экрана. Не зрителем, а человеком, который сам выходит к микрофону. Тогда я ещё не понимал, что впереди меня ждёт долгий путь, полный ошибок, разочарований и неожиданных поворотов. Но именно в старших классах появилась мысль, которая потом определит почти всю мою жизнь. Я хочу заниматься музыкой. А уже совсем скоро, после выпускного, эта мысль перестанет быть просто мечтой. В университете мы с друзьями впервые попробуем записать собственные треки и создать свою первую рэп-группу. Именно с этого момента музыка окончательно перестанет быть только хобби и начнёт превращаться в дело всей моей жизни.

Клубы

Отношение к клубам у меня вообще появилось задолго до того, как я впервые переступил порог ночного заведения. Помню, ещё в школе я смотрел сериал «Клуб». Для многих это был просто очередной молодёжный сериал, а для меня — окно в совершенно другой мир. Красивая музыка, ночная

жизнь, свет софитов, диджеи, артисты, стильные люди. Всё это казалось невероятно далёким от моей обычной жизни на Баляева, но почему-то очень притягивало. Мне хотелось однажды оказаться внутри этой атмосферы. Не зрителем, а её частью. Когда появилась возможность впервые пойти в клуб, я, конечно, не сказал маме правду. Сказал, что останусь ночевать у Ваньки. Сам же отправился в Dance House. Сейчас вспоминаю это с улыбкой. Помню, как во время вечеринки мама позвонила мне. Я стоял где-то недалеко от туалета, вокруг гремела музыка, и она сразу насторожилась.

— А что это у вас музыка играет?

Я, не растерявшись, ответил:

— Да мы с Ванькой просто музыку слушаем.

Мама сказала, что сейчас придёт проверить, дома ли мы. Я даже не стал её отговаривать. Ответил что-то вроде: «Приходи». Конечно, никуда она тогда не пришла, но эти несколько минут, пока разговор не закончился, я переживал, наверное, сильнее, чем за весь вечер. Самое смешное, что одного похода оказалось не достаточно. Через неделю мне захотелось вернуться туда снова. На этот раз я решил попробовать сказать правду. Сообщил маме, что у друга день рождения и мы собираемся в клуб. Реакция была очень эмоциональной. Она плакала, говорила, что я никуда не пойду, что это возможно только через её труп. Для неё ночной клуб был местом, где с детьми обязательно случается что-то плохое. Наверное, любая тревожная мама в тот момент думала бы

примерно так же. Но я всё равно пошёл. Именно тогда для меня начался совершенно новый этап жизни. Клубы быстро стали частью нашего подросткового и потом уже студенческого времени. Мы не были какими-то богатыми ребятами, которые снимали столы и тратили огромные деньги. Всё было гораздо проще. Иногда хватало пары сотен рублей, чтобы купить что-нибудь выпить и провести всю ночь в компании друзей. Тогда это казалось настоящей взрослой жизнью. Музыка, танцы, знакомые лица, новые знакомства — мир, который раньше существовал только на экране телевизора, вдруг стал реальностью. Сейчас я понимаю, что меня привлекали не алкоголь и даже не сами вечеринки. Меня привлекала атмосфера. Мне нравилось наблюдать за людьми, нравилась музыка, нравилось ощущение большого города, который ночью жил совершенно другой жизнью. Уже тогда, сам того не понимая, я всё больше тянулся к индустрии развлечений. Не к роли обычного посетителя клуба, а к людям, которые создавали эту атмосферу: артистам, организаторам, диджеям, ведущим. Мне хотелось быть по ту сторону сцены. Конечно, алкоголь в этой истории тоже присутствовал. Мы действительно пили, как и большинство молодых ребят того времени. Сначала это был «Ягуар», потом пиво, позже появились и более крепкие напитки. Но очень быстро я понял одну особенность своего организма. Крепкий алкоголь словно выключал во мне голову. Особенно водка. После неё я переставал быть самим собой, а это ощущение мне кате-

горически не нравилось. Именно поэтому, несмотря на бурную молодость, водку я почти никогда не любил. Если и пил, то потом всегда жалел об этом. В тот период мне казалось, что впереди целая жизнь. Что впереди ещё тысячи вечеринок, сотни новых знакомств, десятки разных дорог. Никто из нас тогда не думал о последствиях. Мы жили сегодняшним днём, смеялись, строили планы, влюблялись, ошибались и были абсолютно уверены, что настоящая взрослая жизнь начнётся когда-нибудь потом. Но она уже незаметно наступила. Потому что сразу после школы нас ждал университет. И именно там мне впервые предстояло столкнуться с выбором между тем, чего хотел я сам, и тем, чего от меня ожидали родители.

Глава

Универ

Университет появился в моей жизни не потому, что я однажды проснулся с мечтой стать экономистом. Если честно, я вообще не понимал, кем хочу быть с точки зрения обычной профессии. Я уже точно знал только одно — меня тянет к музыке. Но в начале двухтысячных сказать родителям: «Я хочу заниматься музыкой», было примерно то же самое, что сказать: «Я вообще не собираюсь работать». Это не воспринималось как серьёзная профессия. Поэтому всё произошло довольно предсказуемо. Родители хотели, чтобы у меня было высшее образование. Я не спорил. Наверное, тогда мне и самому казалось, что диплом должен быть у каждого. Вопрос был только в том, куда поступать. Решение оказалось максимально простым: я выбрал университет, который находился ближе к дому. Это был ДВГТУ, факультет экономики. Особого интереса к экономике у меня не было. Просто нужно было куда-то поступить, и я поступил. Вместе со мной пошли мои школьные друзья — Миша Сидоренко и Андрей Сергеевич. Мы втроём стали студентами, даже не подозревая, насколько по-разному сложатся наши жизни дальше. Первый курс я ещё честно пытался быть студентом. Ходил на занятия, записывал лекции, сдавал какие-то работы. Но довольно быстро стало понятно, что происходит то

же самое, что и в школе. Мне было неинтересно. Я не видел себя экономистом, не понимал, зачем изучаю большинство предметов, и всё чаще ловил себя на мысли, что живу какой-то чужой жизнью. Наверное, это была моя главная проблема тех лет. Я всегда хорошо чувствовал, чего **не хочу**, но ещё не понимал, чего хочу **на самом деле**. Из-за этого университет постепенно начал уходить на второй план. Вместо лекций всё чаще были друзья, музыка, клубы, прогулки по ночному Владивостоку. Я всё реже появлялся в аудиториях и всё чаще думал о том, что настоящая жизнь происходит где-то совсем в другом месте. Со временем это дошло до смешного. В университете я появлялся настолько редко, что некоторые преподаватели знали меня скорее по фамилии в ведомости, чем в лицо. Но студенческая система тогда была совсем другой. Многие вопросы решались намного проще, чем сейчас. Я познакомился с заведующей кафедрой, и постепенно выстроилась своеобразная схема. Перед сессией я собирал зачётные книжки у ребят, которым тоже нужно было закрыть долги, собирал деньги за предметы и относил всё это ей. К началу нового семестра большая часть зачётов уже стояла в наших книжках. Поэтому на протяжении нескольких лет университет существовал где-то отдельно, а моя настоящая жизнь — отдельно. На пары я мог не ходить месяцами, появляясь в основном тогда, когда без этого уже было совсем нельзя. Конечно, были и забавные истории. Однажды мне позвонили прямо в разгар дня и спросили:

— Серый, ты где? У нас сейчас экзамен по черчению.

Я спокойно ответил:

— Да я всё равно ни разу не был на занятиях. Потом как-нибудь разберусь.

И просто не пришёл. Тогда мне казалось, что ничего страшного не происходит. Что университет — это какая-то формальность, которую всё равно получится пройти. Сейчас я понимаю, что был слишком самоуверенным. Но в девятнадцать-двадцать лет кажется, что впереди бесконечно много времени и любую проблему можно решить потом. При этом было бы неправильно сказать, что университет ничего мне не дал. Именно там рядом со мной оказались люди, с которыми позже будут связаны важные этапы моей жизни. Именно в студенческие годы появились первые серьёзные попытки заниматься музыкой, первые записи, первые творческие объединения. Пока это было больше похоже на игру, чем на профессию, но именно тогда мечта впервые начала превращаться в действие. Именно университетские годы стали временем, когда я перестал просто слушать музыку и решил попробовать создать свою собственную. Университет вообще оказался для меня временем, когда жизнь происходила не в аудиториях, а где-то за их пределами. Мы много гуляли, постоянно собирались компаниями, ездили по городу, знакомились с людьми. Казалось, что впереди бесконечное количество времени, а молодость вообще не может закончиться. В этом возрасте почти каждый уверен, что с ним ничего

плохого не случится. Что серьёзные проблемы бывают у кого-то другого. Наверное, именно поэтому тот случай стал для меня настоящим потрясением. Всё произошло совершенно неожиданно. Мы были в Dance House. Я в тот вечер практически не пил. Зато мой товарищ был уже сильно пьян и каким-то образом успел поссориться с компанией незнакомых ребят. Я даже сейчас не помню, из-за чего начался конфликт. Помню только, что в какой-то момент понял: если сейчас не вмешаюсь, его просто будут избивать. Наверное, это всегда было моей чертой. Я никогда не любил драки ради драки. Никогда не искал конфликтов. Но если видел, что обижают своего человека, пройти мимо тоже не мог. Я вступился. И буквально через несколько секунд всё закончилось совсем не так, как я ожидал. Их было много. Кажется, человек двенадцать. Кто именно ударил, я уже не помню. Помню только сильный удар в лицо. Потом ещё один. Дальше всё происходило как будто в тумане. Закончилось тем, что у меня оказалась сломана скула. Первые пару дней я вообще не понимал, насколько всё серьёзно. Отлёживался у знакомой, думал, что обычный сильный ушиб. Лицо опухло, всё болело, но мне казалось, что постепенно само пройдёт. Только когда онемение начало усиливаться, друзья буквально заставили меня поехать в больницу. Сделали снимок. Диагноз оказался неприятным. Перелом скуловой кости.

Врачи сказали, что нужна операция. Причём тогда подобные операции только начинали делать. Никто не мог дать

стопроцентной гарантии результата. Если кость не получится поставить на место, придётся устанавливать металлическую пластину. Для двадцатилетнего парня эта перспектива звучала очень страшно. Особенно после того, как в палате я увидел человека, которому такая пластина уже была установлена. Тогда мне казалось, что это навсегда изменит мою внешность. Больше всего я переживал даже не из-за операции. Я боялся звонить маме. Я слишком хорошо её знал. Знал, что она начнёт плакать ещё до того, как дослушает до конца. Поэтому попросил Ваньку сделать это за меня.

Я сказал ему всего одну просьбу:

— Только аккуратно. Не пугай её.

Он искренне пообещал, что всё сделает спокойно.

Через минуту я услышал, как он говорит в трубку:

— Любовь Юрьевна, здравствуйте... Ваш сын в больнице.

У него сломана скула...

Помню, как выхватил телефон практически сразу.

— Ты что творишь?!

Но было уже поздно. Мама плакала. Даже сейчас, спустя столько лет, я вспоминаю этот момент с улыбкой. Не потому, что тогда было смешно. Совсем наоборот. Просто Ванька хотел сделать как лучше, а получилось... очень по-ванькиному. Никакой подготовки, никакой осторожности — сразу вся правда одним предложением. Мама приехала почти сразу. Вместе с дядей Вовой. Тогда, несмотря на то что мне уже было восемнадцать лет, для проведения операции всё рав-

но требовалось участие родителей. Они оформили документы, оплатили всё необходимое, были рядом до самого момента, когда меня повезли в операционную. К счастью, всё прошло хорошо. Кость удалось поставить на место без пластины. Когда я проснулся после наркоза, все рассказывали, что вёл я себя довольно шумно. Что-то говорил, ругался, смеялся — сам я этого, конечно, совершенно не помню. Но главное было другое. Всё закончилось благополучно. Тогда я ещё не знал, что буквально через несколько дней мне предстояло сдавать экзамен по высшей математике. И это будет одна из самых абсурдных историй за всё время моей учёбы. После операции меня довольно быстро отпустили домой. Самое неприятное осталось позади, но впереди была другая проблема — университет. Пока я лежал в больнице, жизнь там, конечно, не остановилась. Группа продолжала учиться, преподаватели принимали зачёты, а впереди уже маячила сессия. В какой-то момент стало понятно, что мне всё равно придётся возвращаться.

Особенно хорошо запомнился экзамен по высшей математике. Честно говоря, математика никогда не была моей сильной стороной. Я и до операции не чувствовал себя уверенно, а после нескольких дней в больнице голова была занята совсем другими мыслями. Пришлось идти. Это был первый курс. Голова ещё толком не соображала после наркоза, лицо было перемотано, под глазом огромный синяк, скула только начинала срастаться. Но экзамен никто не отменял.

К тому времени я уже работал в Kirby. Именно там я познакомился с парнем, который отлично разбирался в математике. Самое интересное, что учился он вообще на юридическом факультете, но с цифрами был на «ты». Тогда у меня и родилась идея, которая в те годы казалась вполне реальной.

Я попросил его:

— Слушай, сможешь прийти ко мне на экзамен и написать билет?

Сейчас это звучит почти фантастически, но тогда всё было совсем иначе. В университет можно было спокойно зайти с улицы. Никаких турникетов, электронных пропусков, рамок металлодетекторов или проверки документов. Заходил практически любой человек. В день экзамена я сидел в аудитории и ждал звонка. Через какое-то время мой товарищ пришёл, спокойно вошёл, сел буквально передо мной и начал решать задания. Никого это особенно не удивило. Он писал, а я просто переписывал его решение в свой листок. Всё выглядело настолько естественно, что никто даже ничего не заподозрил. Когда работа была закончена, я подошёл к преподавателю. Вид у меня, конечно, был соответствующий: перебинтованная голова, опухшее лицо, огромный синяк после операции.

— У меня совсем недавно была операция, — сказал я. — Можно просто поставите мне тройку? Мне сейчас тяжело. Но преподаватель оказался принципиальным.

— Нет. Заживёшь — придёшь и сдашь.

Тогда я понял, что другого выхода нет. Сел напротив него и начал отвечать. Честно говоря, многое уже вылетело из головы. Где-то пытался рассуждать логически, где-то просто выкручивался. Наверное, преподаватель видел, в каком я состоянии, поэтому сильно не мучил. В итоге поставил мне тройку. Для меня в тот момент это была почти пятёрка. После операции, больницы и всего, что произошло за последние дни, я просто вышел из аудитории с ощущением, что ещё одна проблема наконец осталась позади. Наверное, именно тогда во мне окончательно поселилась мысль, которую я ещё долго не решался произнести вслух. Высшее образование само по себе не делало человека счастливым. Можно было получить диплом, устроиться на хорошую работу и всё равно каждое утро просыпаться с ощущением, что живёшь не своей жизнью.

У меня была совсем другая проблема. Я прекрасно понимал, чем **не** хочу заниматься, но всё ещё не понимал, как превратить свою любовь к музыке в настоящую профессию. Тогда казалось, что между этими двумя мирами — университетом и музыкальной индустрией — лежит огромная пропасть. Один был понятным и одобряемым всеми. Другой выглядел красивой мечтой, в которую почти никто не верил.

Но чем больше проходило времени, тем сильнее музыка затягивала меня обратно.

После пар я уже не спешил домой. Мы собирались с друзьями, обсуждали новые треки, обменивались музыкой, спо-

рили о том, кто круче, пытались писать собственные тексты. Сначала всё это выглядело как обычное увлечение. Никто из нас не говорил о карьере или деньгах. Нам просто хотелось попробовать сделать что-то своё.

Именно тогда я впервые оказался не только слушателем, но и человеком, который начинает создавать музыку сам. Это были самые простые записи, первые неуклюжие тексты, первые попытки читать рэп. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что многие из них были очень слабыми. Но тогда это не имело никакого значения. Важен был сам момент. Впервые я перестал мечтать о музыкальной индустрии со стороны и сделал шаг внутрь неё.

Конечно, этот шаг был совсем маленьким. Никто не ждал нас в студиях. Никто не предлагал контракты. У нас не было дорогого оборудования, опыта или связей. Было только огромное желание и ощущение, что именно этим хочется заниматься. Иногда этого оказывается достаточно, чтобы история действительно началась.

Сейчас я понимаю, что именно в тот период моя жизнь незаметно свернула с дороги, которую для меня представляли окружающие. Формально я всё ещё был студентом экономического факультета. Но внутренне всё больше становился человеком, который готов был пожертвовать спокойной и понятной жизнью ради одного-единственного шанса однажды оказаться в мире музыки.

И очень скоро этот шанс появился. Всё началось с

нескольких друзей, микрофона и идеи создать собственную рэп-группу.

Первые треки

Если в школе музыка была мечтой, то университет стал тем местом, где эта мечта впервые превратилась в действие.

К тому времени я уже окончательно понял, что хочу заниматься музыкой. Не просто слушать её в наушниках, не просто обсуждать новые альбомы с друзьями, а попробовать самому сделать что-то настоящее. Получится или нет — тогда вообще не имело значения. Хотелось хотя бы начать.

Огромную роль в этом сыграл мой товарищ Денис, которого все знали по прозвищу Патрик. Он был человеком, который уже жил рэпом. Знал эту культуру изнутри, общался с музыкантами, ездил по стране вместе с «Кастой». Для меня он был человеком, который действительно понимал, как устроен этот мир. В то время с Ванькой Тимошенко, почти каждый наш разговор рано или поздно сводился к музыке. Мы постоянно обсуждали новые треки, придумывали идеи и в какой-то момент поняли, что хватит только говорить. Нужно попробовать записать своё. Так появилась наша самая первая группа.

Почему она называлась **«Бабули Продакшн»**, если честно, я уже совершенно не помню. Возможно, тогда это показалось смешным. Возможно, название родилось случайно, как это часто бывает в юности. Но именно под этим названием мы впервые записали собственный трек. Патрик помог

нам с текстом и музыкой. Для нас это было настоящим событием. Мы впервые услышали собственные голоса не где-то между друзьями во дворе, а в записи. Конечно, сейчас, спустя столько лет, я понимаю, что это была очень наивная работа. Но тогда нам казалось, что мы сделали почти профессиональную песню.

Самое удивительное, что этот трек живёт до сих пор. Его нет ни на одной музыкальной площадке. Он никогда официально не выходил. Но каким-то совершенно невероятным образом песня пережила десятки смен телефонов у мамы. До сих пор, когда я ей звоню, именно она стоит у неё на звонке. Я сам не понимаю, как это вообще возможно. Телефоны менялись, данные переносились, исчезали фотографии, контакты, сообщения, а эта песня каким-то чудом всегда переезжала вместе с ними. Наверное, для мамы она была гораздо больше, чем просто трек. Это был голос сына в тот момент, когда он только начинал идти к своей мечте.

Помню даже несколько строчек:

*«Это мой клуб, это мой мир, моё кредо, место, где я
отвисаю до рассвета... Здесь только бренды, пьют только
бренди...»*

Это была типичная клубная история начала двухтысячных. Тогда огромную популярность имел сериал «Клуб», все мечтали о красивой ночной жизни, дорогих машинах, модной одежде. Конечно, всё это влияло и на нас. Мы были такими же мальчишками своего времени и писали о том, что

тогда казалось красивым и взрослым. Но довольно быстро стало понятно, что одного трека нам уже недостаточно. Хотелось двигаться дальше.

Именно тогда родилась идея создать уже настоящую группу, которой мы собирались заниматься серьёзно. Так появилась **Vip Art**. В этот раз всё выглядело гораздо осознаннее. Со мной был мой одноклассник Лёша Исаченков, с которым мы очень сильно сдружились в университете. К нам присоединилась наша подруга Юлиана. Она долго жила в Америке и свободно говорила по-английски, поэтому сразу добавила проекту совершенно другое звучание. Нам казалось, что английские вставки делают музыку современнее и ближе к тому, что мы тогда слушали. В отличие от «Бабули Продакшн», здесь уже появилось ощущение, что мы строим не просто очередное увлечение, а настоящий музыкальный проект. Мы начали писать новые песни, думать о выступлениях, искать своё звучание. Конечно, сейчас я понимаю, насколько неопытными мы были. Но именно тогда произошло самое главное. Я перестал мечтать о сцене. Я впервые начал к ней идти.

Vip Art

«Бабули Продакшн» просуществовала совсем недолго. Если честно, это была даже не группа, а скорее первая проба. Один записанный трек, огромное количество эмоций и понимание того, что музыка — это совсем не так просто, как кажется со стороны. Но самое главное уже произошло. Я

перестал бояться начать. После первого опыта стало понятно, что останавливаться уже не хочется. Наоборот, появилось ощущение, что теперь нужно делать всё серьёзнее. Хотелось записывать новые песни, выступать, искать своё звучание и, наконец, перестать чувствовать себя просто парнем, который любит рэп. Именно тогда появилась **Vip Art**. Нас было трое. Со мной был мой друг Лёша Исаченков, с которым мы познакомились в университете и очень быстро нашли общий язык. Третьей участницей стала наша подруга Юлина. Она долго жила в Америке и свободно говорила по-английски. Для нас это казалось невероятно крутым. В то время англоязычные вставки в треках выглядели современно и необычно, поэтому её участие сразу придавало группе собственный характер. Сейчас смешно вспоминать, насколько серьёзно мы ко всему относились. Мы обсуждали название, думали над образом, придумывали тексты, искали музыку. Нам казалось, что всё только начинается. Конечно, мы ещё ничего не знали о музыкальной индустрии, не понимали, как работают лейблы, продвижение или концерты. Но тогда это было совершенно неважно. В двадцать лет кажется, что главное — сделать хороший трек, а всё остальное обязательно придёт само. Каждая новая запись воспринималась как огромное событие. После студенческих пар мы встречались, обсуждали тексты, спорили, переписывали строчки, снова записывали. Хотелось, чтобы каждая следующая песня была лучше предыдущей. Мы учились буквально на ходу.

Никто из нас не имел музыкального образования, никто не понимал, как правильно строится запись, как сводятся вокалы или почему один трек звучит мощно, а другой — нет. Всё приходилось постигать самостоятельно. И именно тогда произошло то, о чём я ещё несколько лет назад даже не мечтал. Нас пригласили выступить.

Это был клуб **Lips**. В тот вечер на сцену выходили разные рэп-группы Владивостока. Для кого-то это, возможно, был обычный локальный концерт. Для меня же — настоящий рубеж. Я впервые вышел на сцену не как зритель. Я вышел на неё как артист. До сих пор помню это ощущение. Волнение перед выходом, последние секунды за кулисами, когда в голове одновременно крутятся слова песен и мысль: «Только бы ничего не забыть». А потом музыка начинает играть — и страх куда-то исчезает. Остаётся только желание сделать всё как можно лучше. Наверное, именно тогда я впервые почувствовал то, ради чего люди вообще выходят на сцену. Несколько минут. Несколько песен. Но ощущение остаётся на годы. Это не было выступлением перед тысячами людей. Не было больших гонораров, известности или контрактов. Но именно в тот момент я понял одну очень важную вещь. Я чувствовал себя абсолютно на своём месте. К сожалению, как это часто бывает с первыми молодёжными коллективами, история **Vip Art** закончилась довольно быстро. Сейчас я уже даже не вспомню, по каким именно причинам мы перестали существовать как группа. Наверное, у каждо-

го постепенно появилась своя жизнь, свои дела, свои планы. Так бывает почти со всеми первыми проектами. Но для меня это не было концом. Скорее, наоборот. Это было только начало. Потому что после распада группы музыка из командной истории превратилась в личную. Именно тогда рядом снова оказался Патрик, и вместе с ним мы решили попробовать себя в интернет-баттлах.

Баттлы

История **Vip Art** закончилась так же незаметно, как и началась. Сейчас я уже не вспомню, что именно стало причиной. Наверное, каждый постепенно пошёл своей дорогой. Такое часто происходит с первыми молодёжными проектами. В какой-то момент люди начинают жить разной жизнью, и группа просто перестаёт существовать. Но для меня музыка на этом не закончилась. Наоборот. Именно после распада **Vip Art** я снова начал много общаться с Денисом, которого все знали как Патрика. Если раньше он помогал нам делать первые записи, то теперь мы решили попробовать совершенно другой формат.

В то время в интернете были очень популярны рэп-баттлы. Это были соревнования, в которых участники получали тему, писали треки, записывали их и отправляли организаторам. После каждого этапа кто-то проходил дальше, а кто-то выбывал. Всё решали сами слушатели и судьи.

Мы решили попробовать свои силы. Для нас это был уже совсем другой уровень ответственности. Здесь нельзя было просто записать песню для друзей. Нужно было писать под конкретное задание, укладываться в сроки, придумывать интересные идеи и понимать, что твою работу будут сравнивать с десятками других исполнителей.

Каждый новый раунд становился небольшим испытанием.

ем. Мы обсуждали идеи, придумывали тексты, записывали треки и с нетерпением ждали результатов. Когда объявляли, что мы проходим дальше, это воспринималось как настоящая победа. Раунд за раундом мы продолжали двигаться вперёд. В итоге нам удалось дойти до четвёртого раунда. Для кого-то это может показаться не самым большим достижением. Но тогда для нас это было огромным событием. Мы чувствовали, что постепенно растём, что наши тексты становятся сильнее, а записи — качественнее.

Самое интересное, что эти треки сохранились до сих пор. Спустя столько лет я иногда переслушиваю их и улыбаюсь. Конечно, сейчас я слышу огромное количество ошибок. Где-то не хватает опыта, где-то техники, где-то совсем по-другому написал бы текст. Но именно в этих записях остался настоящий я — парень, который только начинал искать себя в музыке и ещё даже не представлял, куда однажды приведёт его эта дорога.

Наверное, именно тогда я впервые понял одну простую вещь. Музыка перестала быть для меня обычным увлечением. Она постепенно становилась частью моей жизни. И сколько бы времени ни прошло, сколько бы раз я ни менял профессию, город или планы на будущее, желание создавать музыку уже никогда меня не покидало. Именно оно спустя много лет снова приведёт меня в студию. Только теперь уже совсем в другой роли.

Первые деньги

Если в школе главной ценностью было свободное время, друзья и музыка, то после её окончания всё чаще приходилось задумываться о деньгах.

Желание зарабатывать появилось у меня ещё в детстве. Когда мы жили с отцом на улице Башидзе, рядом находился пункт приёма стеклотары. Мы с пацанами бегали по району, собирали бутылки и сдавали их. Уже не помню, сколько тогда платили — пятьдесят копеек, рубль или ещё меньше. Денег всё равно хватало только на мороженое, и именно на него мы обычно их и тратили. При этом родители всегда давали мне карманные деньги, поэтому нельзя сказать, что я в чём-то нуждался. Скорее, это было детское желание самому что-то заработать. Позже, когда мне было лет тринадцать или четырнадцать, мы с Ванькой решили устроиться на свою первую настоящую подработку. Нам выдали ведёрко с клеем, пачку листовок, показали район, и целый день мы ходили по улицам, расклеивая объявления. Вечером получили свои деньги и быстро поняли, что такой способ заработка нас совершенно не вдохновляет. Заплатили настолько мало, что уже после первого дня желание продолжать пропало. Зато в тот же день подвернулась другая работа. Во дворе нашего дома кто-то попросил помочь перенести ящики с вином из квартиры в машину. Работа заняла совсем немно-

го времени, а заплатили гораздо больше, чем за весь день с листовками. Помню, Ванька сразу купил себе бутылку пива. Нам было лет пятнадцать, может, чуть меньше. Я же тогда алкоголь ещё не пил. Мне просто не нравился его вкус, поэтому вместо пива я взял себе обычную колу.

После окончания школы появилась уже более серьёзная подработка. Недалеко от нашего дома, который все называли просто «семёркой», находилась нелегальная парковка. Сначала туда устроился Ваня, а потом позвал и меня. Мы работали посменно, и для вчерашних школьников это были вполне хорошие деньги. Их хватало на обычную подростковую жизнь — встретиться с друзьями, сходить куда-нибудь, не просить каждый раз денег у родителей. Когда я поступил в университет, нашёл ещё одну работу. Ночами я продавал цветы в магазине, который принадлежал родителям моего друга. Конечно, назвать меня флористом было бы слишком громко. Скорее, я был ночным продавцом. Работал практически каждую ночь, а утром пытался ходить на пары. Получалось это не всегда. Со временем университет начал уходить на второй план, и после смен я чаще ехал домой спать, чем на учёбу. Но эта работа позволяла чувствовать себя самостоятельнее. Деньги уже были не на мороженое и газировку, а на обычную жизнь студента. На ней я задержался примерно на два или три года.

После университета моя жизнь снова изменилась. Я устро-

ился торговым представителем компании, которая занималась строительными смесями Ceresit. К тому моменту у меня уже была машина. Первую я успел разбить, после чего дядя помог купить другую — Honda Fit. Именно на ней я начал ездить по работе. В этой должности я проработал около девяти месяцев. Работа была стабильной, понятной и давала хороший опыт общения с людьми. Но даже тогда я уже точно знал, что надолго во Владивостоке не останусь. Эта мысль сопровождала меня каждый день. Где бы я ни работал, чем бы ни занимался, внутри уже давно жил другой план. Я собирался уехать в Москву.

Москва

О том, что однажды уеду из Владивостока, я знал задолго до самого переезда.

Даже когда работал торговым представителем, каждый день ездил по городу, встречался с клиентами и жил вполне обычной жизнью, внутри уже сидело ощущение, что это временно. Я всегда понимал: однажды соберу вещи и уеду.

Когда-то ещё на втором курсе университета я уже летал в Москву. Тогда для студентов были очень дешёвые билеты — туда и обратно можно было улететь примерно за две тысячи рублей. Но та поездка меня совсем не впечатлила. Хотя, если честно, дело было даже не в самой Москве. Мы прилетели всего на несколько дней и пытались за это время посмотреть чуть ли не весь город. А я никогда не любил бесцельно гулять. Если есть точка А и точка Б — отлично, но просто ходить по улицам ради прогулки было не для меня. Поэтому, вернувшись домой, я говорил всем, что Москва мне не понравилась. Но это никак не изменило мою мечту. Я по-прежнему хотел работать с Тимати. Эту фразу знали все мои друзья ещё со школы. Для кого-то она звучала смешно, для кого-то слишком самоуверенно, но я действительно в это верил. Мне было тесно во Владивостоке. Хотелось большего. Хотелось оказаться там, где происходит всё самое интересное. Мне казалось, что только Москва сможет дать та-

кую возможность. Именно там я собирался строить карьеру, зарабатывать большие деньги и заниматься музыкой. В какой-то момент я просто объявил всем, что в сентябре 2014 года улетаю. Практически никто не поверил. Даже мама была уверена, что дальше разговоров дело не зайдёт. У меня не было ни родственников в Москве, ни квартиры, ни работы. Никто меня там не ждал. Со стороны всё это действительно выглядело скорее фантазией, чем реальным планом. Но летом я пошёл и купил билет. Тогда ещё не было привычных сегодня сервисов для покупки авиабилетов через интернет. Я работал неподалёку от кассы «Аэрофлота», зашёл туда после работы и купил билет в один конец. Когда принёс его домой, стало понятно, что теперь всё по-настоящему. Назад дороги уже не было. Чтобы мама меньше переживала, я сказал ей, что первое время остановлюсь у друга, который жил в Москве. На самом деле сейчас я уже даже не помню, насколько это соответствовало действительности. Мы давно не общались, и, кажется, жить у него я вовсе не собирался. Скорее, мне просто хотелось, чтобы маме было спокойнее. На самом деле я и сам ещё не понимал, где окажусь после прилёта.

Тем летом произошло ещё одно важное знакомство. Я познакомился с Тимофеем Щербаковым. Мы быстро нашли общий язык и практически сразу подружились. К тому моменту Тим уже успел пожить в Москве и хорошо знал город. Всё лето, пока мы проводили время вместе, он рассказывал

мне о столице, объяснял, как там всё устроено, делился своим опытом. Наверное, именно благодаря ему неизвестность переставала казаться такой пугающей. Именно Тим помог решить ещё одну проблему. Через сервис гостеприимства, которым сам пользовался в путешествиях, он договорился с ребятами в Москве, чтобы они приютили меня на несколько дней после прилёта. Это были люди, которых я никогда раньше не видел. Но тогда это был мой единственный вариант. Параллельно происходило ещё одно важное событие, которое тогда было связано совсем не с Москвой. Я понимал, что после моего переезда маме будет очень тяжело. Она всегда сильно переживала за меня, а мысль о том, что единственный сын окажется почти за десять тысяч километров, давалась ей особенно трудно. Мне хотелось, чтобы рядом с ней появился кто-то, о ком можно заботиться. Именно тогда в нашей семье появилась Грета.

Чемодан в одну сторону

Грета появилась у нас примерно за год до моего переезда. Я давно хотел лабрадора. Когда-то встречался с девушкой, у которой была такая собака, и именно тогда понял, насколько мне нравится эта порода. В какой-то момент мы ехали по работе в Уссурийск, и по дороге я увидел питомник. Решил просто заехать посмотреть щенков. Покупать собаку в тот день я вообще не собирался. Но всё получилось совсем иначе. Мне показали маленького чёрного лабрадора. Она посмотрела на меня, а я понял, что уже не смогу уехать без неё. Денег с собой не хватало, поэтому я занял пятнадцать тысяч рублей у коллеги, и в тот же день мы поехали домой уже вместе. По дороге Грету укачало, и она оставила свой первый «сюрприз» на заднем сиденье моей машины. Так в нашей семье появилась собака, которая потом проживёт рядом с нами долгие годы. Конечно, я заводил её не только для себя. Я понимал, что вскоре уеду. Мне очень хотелось, чтобы после моего отъезда у мамы появился кто-то, кому можно отдавать своё внимание и заботу. Тогда мне казалось, что это поможет ей легче пережить мой переезд. Время пролетело быстро. Наступил день отъезда. Машину мы ещё не успели продать. Деньги на первое время мне помогли собрать родные. Сейчас уже не вспомню, кто именно дал эти шестьдесят тысяч рублей — кажется, основную сумму дал дядя, с

расчётом, что позже продаст мою машину и вернёт себе эти деньги. Главное было другое: в кармане лежали все мои накопления, а впереди была совершенно неизвестная жизнь. Провожать меня приехали друзья. Их было человек десять. Конечно, была мама. Сейчас достаточно посмотреть на фотографии того дня, чтобы понять, что она чувствовала. На её лице не было ни улыбки, ни радости. Она понимала, что её единственный сын улетает за девять тысяч километров, и никто не знал, когда мы увидимся снова. Если честно, мне тоже было страшно. Мне было двадцать три года. Один чемодан, шестьдесят тысяч рублей, огромные амбиции и полное отсутствие понимания, что делать после прилёта. Я не знал, где буду жить, где найду работу, с кем окажусь рядом. Знал только одно — назад дороги уже нет. До аэропорта мы ехали на моём Honda Fit. В машине играла песня Jah Khalib «Секс, наркотики». Кто-то из друзей предложил переключить музыку, но я отказался.

— Да не, хорошая песня. Пусть под неё и уезжаю.

Почему именно она запомнилась мне на всю жизнь, я не знаю. Но каждый раз, когда слышу её сейчас, сразу вспоминаю тот день. Перед посадкой друзья дали мне несколько писем и записок. Открывал их уже в самолёте. Читал, смотрел в иллюминатор и изо всех сил старался не заплакать. В тот момент очень хотелось верить, что всё получится. Хотя уверенности не было совершенно никакой. Когда самолёт приземлился в Москве, пришло чувство, которого я совсем не ожи-

дал. Страх. Настоящий. Я вышел, добрался до Белорусского вокзала, посмотрел по сторонам и вдруг поймал себя на мысли: «Может, прямо сейчас купить билет обратно?» Настолько непривычным и огромным казался этот город. Я действительно не понимал, что вообще здесь делаю. Но назад я всё-таки не поехал. Добрался до квартиры ребят, у которых должен был пожить несколько дней, дождался их после работы и уже на следующее утро начал искать жильё. Мне нужна была не квартира — на неё денег просто не было. Я искал обычную комнату. Пятнадцать тысяч рублей на аренду, пятнадцать — залог, а всё, что останется, должно было хватить до первой зарплаты. Три дня я ездил по Москве. Смотрел одну комнату за другой. Практически везде условия были ужасными. На третий день я уже почти смирился с тем, что ничего не найду и придётся идти жить в какой-нибудь хостел. Именно в этот момент раздался телефонный звонок. Мужчина представился риелтором и сказал, что у него есть свободная комната в четырёхкомнатной квартире на станции метро «Медведково». Сначала мне показалось, что это слишком далеко от центра, но других вариантов практически не осталось. Я приехал посмотреть. Квартира оказалась аккуратной, рядом с метро, в ней жили ребята примерно моего возраста. Я сразу оставил залог и договорился заселиться через неделю, пока в комнате заканчивали небольшой ремонт. Впервые с момента прилёта я почувствовал, что у меня появляется хоть какая-то опора. Теперь оставалось решить

самый главный вопрос. Найти работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.